

Ю.С. Лынов

ЗВЕРИ ИЗ ЗАПАДНОГО ТЯНЬ-ШАНЯ

Продолжение

Кабанье племя

Зарисовки

Очень плотная плотность

Середина зимы. Горы под покровом снега: на затененных склонах – тескаях весь выпавший снег сохраняется, накапливается; на солнцепёках – конгаях снег между снегопадами подтаивает, истончается, а местами склоны обнажились. Их покрытие: прошлогодняя трава-ветошь да щебенистые осыпи-курумы.

Кабаны перебрались с заснеженных склонов на обнажения, рыли землю и днём и ночью. При встречах друг с другом, даже секачи, вели себя мирно. Группы разобщались, собирались в новые объединения. «Временноотдыхающие» чередовались с бодрствующими зверями. Кое-где порою недельной давности подвергались новому рытью. При повторной «переработке» кабаны уже не искали «деликатесов»: червей, личинок насекомых – удачей было искрошить на зубах орешек миндаля, опавший с ветки полгода назад. На кабаньи порою слетались стаями кеклики, они выклёвывали корм, недоступный или невостребованный зверям: листочки, проростки, семена растений, микрочервячки. Птицы, увлечшись, слетали иногда из-под рыла «трудящегося» кабана. Кекликов, как обычно сопровождают пернатые хищники: беркуты, тетереватыники – среди кустов кружат лисицы и каменные куницы. Чуть в стороне, на стометровой высоте редко-редко взмахивают крыльями птицы-падальщики: грифы, сипы, стервятники. Удача им

изредка сопутствует: при высокой плотности отход (а это пища падальщиков), как у зверей, так и у птиц неизбежен.

С утра я вышел на маршрут. Предстояло подсчитать количество зимующих животных: крупных зверей и птиц. Эта работа выполняется регулярно, она и представляет стержень деятельности заповедника. Кабаны в группах и в одиночку стали встречаться, можно сказать, за порогом полевой базы. Тропа шла по гребню: слева заснеженный склон, справа – обнажённый. В ста метрах на склоне кормился табунок разновозрастных кабанов – двадцать штук. В стороне бродили каждый сам по себе два крупных кабана. Спустившись в неглубокий саёк, выпугнул табунок из шести кабанов, а в пределах видимости от них – ещё восемнадцать особей. И дальше пошло...

За шесть часов ходу я насчитал сто сорок два кабана. Все, конечно, пугались и убегали. Они и сами в тревоге, в беспокойстве: друг другу мешают, корма не хватает, связи в группах не стабильны, все друг другу конкуренты, а то и враги.

Недели через три склоны постепенно обнажились – началась весна. Кабаны стали разбредаться: кто, не меняя высоты, влево-вправо, но в основном вверх, вслед за кромкой тающего снега. Жить стало веселее – в кабаньем «понимании».

Столь высокая плотность кабанов в зимовальных угодьях оказалась исключительно редкой. Не зафиксирована она в заповеднике ни до этого года, не наблюдалась она и после. Хочется надеяться на милости природы, которые исключают возможности появления таких экстремальных ситуаций и впредь. Всё-таки в заповеднике плотность любого зверя должна быть оптимальной.

Кабанья семья на кормёжке

На пологом склоне под рослой рябиной приютилась мочажина. Несмотря на каждодневные дожди – весной они обычны – кабаны «организовали» на мочажине грязевую ванну: в вязком иле сохранился отпечаток крупного тела. А вот и сами кабаны показались из-за гребня – клиновидные, высоконогие тела взрослых и рыжеватые, с продольными полосками кабанята. Табунок состоит из взрослых самок (обычно это

сёстры), «молодёжи» 1-3-летнего возраста и сеголетков. Секачи большую часть года держатся в одиночестве. Взрослые кабаны вылиняли: зимняя, бурая шерсть с них сошла, появилась короткая, отливающая серебром щёрстка. Непривычно стройны в этом наряде кабаны: при движении шевелятся лопатки, большая клиновидная голова стала как будто длиннее, комично торчат уши, заметен короткий, постоянно в движении хвостик.

Стоило одной кабанихе заняться корешком, как два-три кабанёнка дотягивались до сосков, пытаясь чуть ли не на ходу к ним присосаться. Одна кабаниха прилегла набок. Вмиг оба выводка – все одиннадцать детёнышей – кинулись к ней. Все, кто овладел соском, обездвигались. Другие кабанята, кому не повезло, крутились рядом. Вторая взрослая матка кормилась сама, отмахиваясь от надоедливых кабанят. Другим взрослым мелкота надоела. Один из них метра три гнался за сеголетком, тот заверещал. «Воспитатель» поддел его рылом и, как ни в чём не бывало, продолжил кормёжку.

В кустарнике шум, чавканье, визг кабанят. Забота о безопасности лежит на всех, поэтому никто о ней особенно не печётся: к стаду всегда подойти легче, чем к кабану-одинцу. Один из прошлогодков выскочил на неподвижно стоящего человека, испуганно отпрыгнул в сторону, но тревоги не стал поднимать. Но вот напахнуло ненавистным запахом человека на взрослую самку. Резкий с придыханием сигнал тревоги, и стадо замерло, проверяя, нет ли ошибки. Но запах стойкий – враг близок. Кабаны с уханьем и треском кинулись вниз через седловину и ещё долго мчались, не разбирая дороги.

Кабан – роющее животное

Я сижу на поляне орехового леса. На противоположном обезлесенном склоне кормится табунка кабанов: матка, пара прошлогодков и четыре кабанёнка-сеголетка. Последние больше времени уделяют играм, чем кормлению. Бинобль приближает. У некоторых наблюдателей, впервые взявших в руки бинобль, появляется страх: «Кабан вот он, рядом, потрогать можно». Отлично видно, что и как скусывает опытная в таких делах кабаниха. На поляне, где кормятся кабаны, сплошь растут злаки: коротконожка, мятлик, кое-где ежа. Но кабаниха почему-то разбирается: в одном месте выдерет прикорневой листок, в другом – соберёт в пасть разросшуюся метёлку ежи. Такое изъятие, пожалуй, даже полезно для растительности: заставляет отобилизовать вещество и энергию, даёт толчок сменам, благоприятствует росту растений – индикаторов дикой природы.

Я сижу на валежине, окружённой со всех сторон кабаньими пороями. «Если есть что рыть, кабан голодным не останется!» – этот вывод напрашивается уже в первые дни при «общении» с кабанами. Травянистая растительность при пороях уничтожается. В последующем при исключении «кабаньего фактора», растительность восстанавливается через фазу сорняков, в дальнейшем – за счёт растений, дающих жизнеспособные семена в непосредственной близости от уничтоженного кабанями участка растительности. Кабаны даже без «вспашки» могут уничтожить основу лесного возобновления: плоды, семена ореха, яблони, алычи, боярки; существенно снизить запасы плодов магалебки, шиповника, барбариса и некоторых других пород. Кабана без ошибки можно причислить к «антилесоводам». В лесах с высокой продуктивностью кабан, нанося вред растительности, изживает сам себя – численность падает. Должно пройти много времени, чтобы маятник качнулся в другую, положительную сторону, и это произойдёт через снижение численности кабана и восстановление растительности.

Лёжки

Под одиночными арчами кабаны устраивают себе лёжки. Зверь клиновидным рылом отроет (другой подправит) борозду, взрыхлив опад и нижележащую почву. Кабаньи лёжки поражали своей добротностью, законченностью и, я бы сказал,

добросовестным отношением к делу. И то сказать: в умятой тяжёлым телом яме зверю тепло: так создаётся комфорт на кабаньем уровне. Медведь, отличаясь ленью, тем не менее, совершенствует кабаньи лёжки, добавляя полосы коры, содранной с арчи. Весьма вероятно, что некоторые кабаньи лёжки, подправленные медведем, в случае зимнего бродяжничества хищника используются как временные логова-берлоги. В казусных ситуациях лёжку кабанов может использовать ...человек.

Группа рыбаков – любителей подлёдного лова возвращалась солнечным, мартовским днём с небольшого озера. Заснеженная тропа вывела на освещённый ярким солнцем склон. Впереди зачернело пятно. Стали гадать: кабан ли, косуля ли, а может медведь, покинувший берлогу? С предосторожностями стали приближаться. Под общий смех с кабаньей лёжки встал человек, свой рыбак. В поднявшемся весёлом гомоне он объяснил, что не стал дожидаться остальных, тронулся вперёд, и его как-то упустили, не заметили. Добрёл до лёжки, поднял кабанчика, будучи в двадцати метрах от неё, ладонью пощупал ложе, оставленное убежавшим зверем, - тепло. «А чего я буду один топтать снег на нехоженной тропе? Решил вас дожидаться. Да вот ненароком заснул».- слабо оправдывался «лежебока». И то сказать: ночь рыбаки провели в холодной, непротопленной избушке – какой уж там сон?!

Я ходил по миндальнику с разбросанной тут и там арчёр. Неглубокий снег хрустел под ногами. Я разбирался в следах. Вот трёхметровыми прыжками проскакала косуля. Лисица отметилась ровной стёжкой следов. От чёрных пороёв ведут кабаньи следы. С пороёв с шумом поднялась стайка кекликов.

Подходя к очередной арче, заметил стоящие топориком уши: кабан спал, лишь спина и голова высывались из логова. Пятьдесят – сорок метров; уши-топорики дрогнули, кабан с живостью вскочил и потрусил прочь. На первых его шагах стало ясно: зверь хромает. Передвигался он на трёх ногах, переднюю правую держал на весу. Рана затянулась, но кость не срослась. Кабан был довольно упитанный, и можно было предполагать, что он не особенно страдал от травмы. Видно, кабан «стремился» избавиться от последствий травмы, быстрее обрести форму: он много времени уделял кормам, тщательно обустроивал лёжки, подолгу отлеживался. Пока что всё складывалось удачно для кабана: на склоне снег неглубокий, морозы не успели сковать грунт – можно рыть землю, добывать корешки. Придёт весна, для зверя настанет благоприятная пора.

Гон

Солнце клонилось к западу, вот-вот должно коснуться линии горизонта – дальней цепи гор. Наступающие потом короткие сумерки считаются продуктивными у охотников: кабаньи табунки встают с днёвок, не спеша переходят к местам кормёжки. Хотя поздней осенью такой порядок не соблюдался, охотник, сидящий в засидке в ореховом лесу, надеялся на удачу именно в этот час, до наступления темноты. Неясный шум, донёсшийся со дна сая (туда дул ветерок от охотника), определённо говорил: там кабаны. Настроение сразу упало: на кабанов нанесёт ветерком запах человека, те поднимут тревогу, и все звери в лесу, в окрестностях насторожатся. Как результат, охота сорвётся.

Кабаны приближались, слышно было, как они подошли к бровке в пятнадцати – двадцати метрах от охотника. Он приготовился – сейчас звери окажутся на виду. Но что-то их задержало, только не кормёжка! Кабаны свирепо ухали, кто-то за кем-то злобно гонялся, кто-то визжал. Звериный содом! Ветер тянул от человека с прежней силой. Не было ещё случая в его охотничьей практике, чтобы кабаны выдерживали такую близость человека, находясь с подветренной стороны. Пошумев достаточно, кабаны прошли под обрывом и показались на виду уже в ста метрах. Три крупных кабана бежали впереди, сзади поспевали два прошлогодка, впрочем, не стараясь, приблизиться к

взрослым. Временами один из густо измазанных грязью кабанов, по-видимому, секач, разворачивался и злобно кидался на молодых. Охотник, забыв про охоту, напряжённо вслушивался и вглядывался в это, с позволения сказать, проявление кабаньей жизни. Под обрывом, куда он спустился, на мокрой от вчерашнего дождя почве чётко обозначились следы кабаньих упражнений: прыжков, перекатов и волочения кабаньих тел. Тяжёлый «запах хлева», который исходит от кабанов круглый год, на этот раз пересиливал специфический резкий запах гонного кабана. Человеку стало понятно, почему звери не учуяли его: их собственный запах заглушал все другие, посторонние для кабанов запахи. Он действует одуряюще; кабаны-секачи теряют голову.

Холодное предзимье. Снег, выпавший полмесяца назад, не растаял даже на солнцепёках – конгаях. По делам я выбрался в Кечкиль – дальний сай, на границе с высокогорьем. Лошадка споро трусила по тракторной дороге, присматривалась и принималась к следам, оставленным двумя лошадьми, на которых проехали лесники.

Внезапно конь остановился, я даже ссунулся с седла, но удержался. Дал шпоры, взмахнул камчой – конь ни с места! Больше того, он был чем-то напуган. Шум указал на причину. На дорогу выбирался, ломая кустарник, сокрушая валежник, крупный кабан – секач.

Зверь, видимо, недавно «принял ванну»: всё туловище обросло липкой грязью. В передней части, повторяя все изгибы тела, разместился калкан – образование из уплотненной соединительной ткани. Калкан предохраняет секача от ударов острыми клыками, наносимых противником. Наибольшего развития он достигает ко времени гона. Секач пересёк дорогу в двадцати метрах от меня (я же сидел на лошади). И на этом расстоянии чувствовался терпкий запах, присущий гонному секачу. Из пасти кабана торчали круто изогнутые клыки – по два с каждой стороны. Кабан не удостоил нас вниманием, с треском внедрился в кустарник и исчез в саю.

Я догнал лесников. После моего рассказа они удивились поведению кабана и ещё больше испугу коня. В лесу, в кустарниковых зарослях лошади выпасаются чуть ли не попеременно с кабанями, но не было случая, чтобы какой-либо конь пострадал от дикого зверя. Сегодня на коня, видимо, подействовал запах гонного кабана: и лошадь повела себя осмотрительно, и дикий зверь «подогрел» себя.

Появление потомства

Матка – кабаниха остановилась на дне сая. Здесь пятнами выделялся рослый тростник, прибитый к земле снегопадами. Всего полсутки назад она бродила в табунке, в обществе двух маток-сестёр и пяти годовичков. Чувствуя приближение важного события в своей жизни, кабаниха отделилась от табунка.

Тростниковая ветошь за неделю тёплой погоды высохла, и, когда зверь зацепил её рылом и начал сгребать в кучу, сухо зашелестела. У края кучи матка произвела на свет пятерых маленьких полосатых кабанят. Спустя некоторое время, они прильнули к соскам, закопошились, отталкивая друг друга от источника пищи. Один из новорожденных не подавал признаков жизни, погиб при рождении. Матка, не проявляя особой тревоги, быстро его съела.

Кабаниха основательно подправила гнездо: обкусывая крупные стебли, рылом наворотила добавочно ветоши.

Похолодало, редкие струйки дождя сменились снегопадом. Матка осторожно пробралась в семейное логово, в очередной раз покормила потомство: детям главное – пища и сон. К утру прояснилось. Кабаниха выбралась из убежища, покормилась сама, добывая рылом из почвы корешки, луковицы, личинок насекомых. Наткнулась на труп

небольшого барсука, погибшего от болезни и истощения ещё поздней осенью, разодрала и проглотила вместе с косточками.

Лишь на пятые сутки кабаниха повела выводок на кормёжку: «Пора привыкать к настоящей кабаньей жизни!» Кабанята бестолково тыкались в землю, толкались у матери в ноги, не понимая, чем занимается она. Кабаниха, принохиваясь к следам, повела своё потомство на соединение с взрослыми родственниками – сёстрами-кабанихами.

Грязевая ванна

Широкий галечник в весеннее половодье заливался водой. Сейчас, в летнюю засуху лишь тонкая струйка воды прорезала залежи гальки, порой упираясь в борт речки. С другого берега речки кусок её ложа занимала мочажина: из небольшого родника вытекала струйка воды, придавая травам зелёный, свежий вид. Кабаны «оборудовали» грязевую ванну, своими телами расширили ложе, уплотнили наил, придали взмученной воде особый «кабаний» запах и вкус.

Стояла июльская жара. Кабаний табунок избрал для дневного отдыха приречный галечник. Звери широко разбрелись по речной долинке. Крупная кабаниха валялась в мочажине, временами перекатываясь с боку на бок. Какой-либо очереди в «приёме ванны» не наблюдалось. Подсвинок, ранее матки извозившийся в грязи, чесал попеременно бока о ствол тополя, издавая при этом звуки, которые можно было истолковать только как удовлетворение. Комель тополя от бесконечных процедур лишился коры, был вытерт до глянца.

При купанье в грязи живые насекомые – паразиты погибают, а при последующем чесании все кожные отложения: насекомые, кусочки отмершей кожи и сама грязь – удаляются.

Взаимоотношения с другими зверями

Барсук кормился на поляне и уходить с неё не собирался. По краям поляны возвышались деревья: орех, яблоня – и развесистый куст алычи. В сентябре плоды осыпаются, под некоторыми деревьями урожай устилает землю, так что можно не торопиться, выбирая самое отменное. Тем более, что осенью жирующие звери кормятся и днём и ночью. В своей обычной манере – распластавшись и носом в землю – барсук медленно передвигался по поляне. Неожиданно он обнаружил, что на поляне он не один. В стороне от него хрустели яблоками два кабанёнка. Поросята сиротствовали давно, судя по их заморенному виду.

Отношения хищного барсука и копытного кабана всегда складываются просто: не замечать друг друга, если, конечно, не окажешься на пути у сильного. Но здесь один из кабанят, взъерошив загривок и вытянувшись стрункой, кинулся на хищника. Ошеломлённый барсук вынужден был отпрыгнуть в сторону и ретироваться. Кабанята, как ни в чём не бывало, продолжали кормиться. Такое поведение кабанёнок-сирота, по-видимому, считал выигрышным: «Среди зверей живём!»

Ходить ночью по горной тропе да ещё без фонаря – никому не советую! Мне однажды пришлось после дождя спускаться тропой, идущей по лесу и кустарнику. Трудно дались первые километры после наступления темноты. Но вот взошла луна, осветила блеклым светом скользкую тропу, и тропа стала выглядеть более проходимой.

Спереди, иногда сбоку тропы временами возникал шум, треск сучьев: это от шагов человека, от производимого шума торопливо убегали кабаны и звери поменьше.

По ходу открылась поляна, обрамлённая кустарниками, с нависшими над ними кронами орехов. На поляне бесшумно передвигались тени – паслись рабочие лошади заповедника. Они, как всегда, без присмотра.

На поляну с шумом и треском сучьев выбрался табунок кабанов: matka с четырьмя или пятью (в свете луны не разобрать) кабанятами. Лошади не обратили внимания на шумное соседство – не подняли даже голов. Лошади, отпущенные на вольный выпас, днём и ночью «купаются» в запахах кабанов, часто с ними встречаются накоротке, поэтому можно говорить о почти приятельских отношениях между этими разными копытными.

На поляне появился дикобраз, наткнулся на мои следы, заволновался, стопорщился. В лунном свете возникла копна длинных игл. Я сдвинулся с места, скользнул по влажной тропе: все, включая и лошадей, насторожились. Кабаниха с шумом вдохнула воздух, ухнула, затем быстро, скоком увела выводок. Несколько минут в том направлении слышался затихающий шум. В нижней части поляны забеспокоился какой-то зверь, застучали копытца. Никак, косуля?! Её спугнул шум убегающего табунка кабанов, а может быть, запах человека, то бишь мой запах.

К плоской седловине перевала с одной стороны спускался гребень, с другой – громоздились скалы. На заснеженной поляне вольно разметалась стая волков. Взрослые звери играли: наваливались друг на друга, короткие пробежки сменялись большими прыжками. Звери катались, оставляя вмятины в снегу. Переярки лежали на взлобке, с интересом наблюдая за играми взрослых. Зверям было весело – пора гона, время «свадеб».

К поляне боком подходил заваленный снегом сай. Обширное чёрное пятно – это стадо кабанов: две взрослые самки и четыре подсвинка кормились в редком кустарнике. Постепенно продвигаясь, кабаны, занятые рытьём корешков, личинок насекомых и дождевых червей, достигли пределов видимости волчьей стаи – всего каких-то четырёхсот метров. Хищные и копытные звери, занятые своими делами, не обращали друг на друга внимания. Может, «сообщения» ветром не было, иначе звери почуяли бы присутствие друг друга: волки – корм, кабаны – врагов.

Некоторое время спустя, волки, вытянувшись цепочкой, ушли за перевал. Кабаны остались кормиться. С уходом волков и я прекратил наблюдения, вышел из-под арчи и направился вниз, к тропе, пытаюсь на ходу согреться.

Противоположный склон, заросший мелким кустарником, – как на ладони. Я и попутчик отдыхали, сидели под яблоней, в бинокль разглядывали окрестности.

- Приглядишься, ниже скалы табунки кабанов кормятся.

Я переместил поле зрения – круг, выхватываемый биноклем, влево под указанную скалу. Действительно, две матки, четыре прошлогодка и всего два полосатых сеголетка мирно рыли мелкозём, перемешанный с щебёнкой. Два кабанёнка, словно что-то вспомнив, ринулись к своей матери, и та прилегла. Они приникли к соскам. В скором времени она вскочила на ноги: время летнее, нечего поважать молочной пищей, пусть травкой кормятся.

Вдруг на гребне ровной шеренгой показались волки. Через мгновение крайний волк прыгнул вниз. Другие хищники остались на своих местах. Прыжок, ещё прыжок, и волк вцепился в хребет прошлогодка. По инерции его рвануло вниз, с ним вместе полетел и молодой кабан. Другие копытные ринулись веером по сторонам. Убежал и молодой кабан, испытавший на себе остроту волчьих зубов. Волк в недоумении смотрел им вслед, не пытаясь догонять. Два других хищника проторчали на гребне в бездействии. Что это? Либо волки были сыты (в таком случае – варианте они просто пасут своих потенциальных жертв) либо они имели печальный опыт схватки с кабаном – секачом. Исход нападения – гибель одного из нападавших хищников либо приобретение глубокого опыта и осторожной осмотрительности в будущем. В случае, происшедшем у нас на глазах, похоже осторожность победила.

Очень трудно разобраться в следах на порогах кабанов. Где-то кабан прошёлся рылом, засыпал попутно свежую, зелёную траву тёмной землёй. Где-то глубокосидящий корешок пытались вырыть два – три разновозрастных кабана – получилась ямка. В качестве корма в пасть кабана попадают мягкие и твёрдые корни и корневища, семена, личинки насекомых – всё, что содержит белки, жиры и углеводы.

Разбираясь в следах и в характере питания, я наткнулся на останки косули. По всей вероятности, косуля была настолько истощена, что не смогла заблаговременно отдалиться от приближающегося к ней табунка матёрых и молодых кабанов и была моментально разорвана. Остался костяк – позвоночник, измусоленные кости голеней; голова и та куда-то исчезла. Ржавые пятна – выцветшая кровь – просматривалась местами на траве, камнях. Значит, кабаны рвали ещё живую плоть.

У кабанов сильно развиты хищнические инстинкты и в равной степени каннибализм. Кабаны не пройдут мимо падали, будь то труп дрозда или неаккуратно закопанный труп лошади. Причём корм животного происхождения котируется у них выше, чем растительные корма. Такова натура, такова наследственность.

Стая волков загнала крупного секача по насту к отвесной скале. Скала – защита кабана сзади, волки – полукругом спереди готовы к решительной схватке. Кабан, напрягив тело, взъерошив шерсть на загривке, сделал несколько ложных выпадов в сторону хищников – утоптанная площадка готова. Кабан проявил изрядную прыть и вёрткость, несмотря на свои крупные размеры. Одного молодого, неопытного волка, сунувшегося вперёд в порыве безудержной храбрости, кабан полоснул клыком по боку – шерсть моментально окрасилась в темно-малиновый цвет от крови. Другого волка, прошлогодка-переварка опрокинул и ногами стоптал, повредил ему ногу: хищник запрыгал на трёх лапах.

Волкам пришлось отступить: не всегда удаётся справиться с секачом, имеющим все задатки хищника. Кабану тоже досталось: на «окороках» зияли две рваные раны. Они будут долго заживать, так как кабан не в состоянии до них дотянуться, чтобы обобратить гниль, грязь, да и просто лизнуть раз – другим языком в целях обеззараживания.

Волчья напасть

Глубокий снег – беда для копытных. Длинноногие косули прыжками преодолевают пространство от одной арчи до другой и кормятся под кронами. Кабанам тяжелее: в глубоком снегу лидер – обычно старая самка – буровит борозду, по которой след в след, стараясь не отстать друг от друга, движутся кабаны рангом поменьше. Достигнув развесистого куста алычи, звери рассыпаются веером, пытаются через снег нанюхать и достать сухие, жёсткие плоды. Чутьём распознав мягкую почву, кабаны роют её, пытаются добыть корешки растений. Видные издали зимние пороги – это почерневший от грязи снег.

К концу зимы трудностей прибавляется. Слежавшийся снег под лучами солнца подтаивает с поверхности, образуется толстая и прочная корка – наст. Острые копыта кабанов пронзают наст и нижележащий снег на всю длину их ног: даже ров прокопать не удаётся. Кабаны сутками держатся на одном месте, худеют от бескормицы.

Строение лапы, относительно лёгкий вес позволяют волку передвигаться по насту с меньшей тратой сил. Ярость матки, пытающейся защитить выводок, пускающей в ход зубы, не может спасти отставших от табунка кабанят. На сотни метров окрест разносится визг поросят, терзаемых волчьей стаей. В первую неделю с установлением наста на кабаньих зимовках были обнаружены остатки четырёх растерзанных копытных. Волки были не голодны, к добыче, съеденной наполовину, больше не возвращались. Пиршество на остатках волчьего разбоя продолжали грифы, сипы, вороны, лисицы.

На очередной «пятиминутке» выступил зоолог заповедника:

- Я подсчитал: волки уничтожат всё поголовье кабанов на участке заповедника за три месяца. Нужны серьёзные меры по истреблению волков.

- Прошу не горячиться! – охладил его директор. – Наст, да и весь снег скоро растает – весна началась. Но волчий разбой следует ограничить: пару – тройку раз необходимо стрельнуть по волчьей стае, на переходах установить несколько капканов. Стаю надо пошерстить – это не наши волки, «гастролёры», вот их и надо удалить из заповедника. В наших силах оформить разрешение на отстрел волков в заповеднике. Нужно также наладить сотрудничество с охотобществом, с госохотинспекцией – всеми силами предотвратить превращение заповедника в кормушку для хищников. – На этой оптимистичной ноте директор закончил своё выступление.

Человек – кабану, кабан – человеку

Боязнь зверя перед человеком возникает либо по наследству, либо передается воспитанием от старших младшим. Встретив непонятное существо, зверь включает в своём сознании комплекс инстинктов: «Что мне передала природа по линии запахов? А внешний вид о чём говорит? А поведение встреченного?» В результате зверь либо убегает, либо остаётся нейтрально-равнодушным, либо принимает решение напасть на врага или на потенциальную жертву. Комплекс поведения родственников: матери, иногда – отца, старших братьев и сестёр – их панические крики, дрожь в теле, положение ушей, хвоста, состояние шерсти – все эти явления и признаки отпечатываются в памяти детёныша: «Это враг, от него спасение – бег!»

Кабан, можно сказать, не боится человека (а человек всё-таки царь природы). Иногда он лезет напролом, чем ставит себя в глупое положение. Взять хотя бы разорение огородов в отдалённых населённых пунктах. Табунок кабанов может за одну ночь заломать гектар молодого сада, добывая по 3-4 яблочка с каждой яблоньки-подростка. То же самое с рослыми стеблями кукурузы

Однажды на таборе, оставленном (чего бояться?!) на день полевиками – научниками, табунок кабанов произвёл форменный разгром, выискивая для себя съестное. Не удовлетворившись дневным разбоем, кабаны заявили ночью, перевернули на остывшем очаге казанок с кашей и, как утверждает «пострадавший», выдернули из-под изголовья мешочек с ячменём – фуражом для лошадей.

Наш маршрут начинался и заканчивался в кишлаке Аркит. Завершая его, мы спускались с высокой горы. Внизу, в долине показались первые дома, просторное здание школы. Далеко, на противоположном склоне цепочка живых существ одолевала по тропе, прямо в лоб довольно крутой склон. Я выразил своё мнение (как оказалось, ошибочное), что вот и телята из горного кишлака приучились напрямую, по крутяку добираться до хорошей травы. Мой спутник, припав к биноклю, опроверг мои слова:

-Это кабаны, и поднимаются они по хорошо натопанной тропе, видимо, не в первый раз. Конечно, только в Сарычелекском заповеднике можно среди бела дня и рядом с посёлком увидеть табунок кабанов. Те благостные времена, к сожалению, прошли.

Кишлак Аркит вытянулся вдоль речки Ходжаатасая, так что любой дом можно считать крайним. Долина и прилежащие склоны заняты молодыми, только начавшими плодоносить садами. Там, где требуется, сады огорожены прочной, металлической сеткой.

Группа работников остановилась у крайнего дома: отдых.

-Глядите-ка, что кабан вытворяет! – кто-то указал на садовый участок. Одиночный кабан рысцой продвигался вдоль сетки, тыкался в неё через пять – десять метров.

Очевидно, он хотел перейти на другую сторону, но капитальная сетка препятствовала. Наконец, дырка обнаружилась, и кабан, чуть ли не ползком, преодолел препятствие и галопом ринулся от сетки по своим делам.

-И металла не боится! – кто-то подытожил всё увиденное. – Как не говори, а запах металла – это запах человека.

- А почему он такой тощий?

- Да не тощий он! У него весенняя линька закончилась. Новая шёрстка короткая, редкая – видишь, какой он стройный. И окрас чёрный, с серебристым отливом.

Отдых у работников закончился, настроение повысилось. И зрелище, которое только возможно в Сарычелеке, тоже для настроения – оказалось приятным.

...Мы с напарником сидели на перегибе склона после получасового подъёма по тропе. И тропа и весь склон лежали у нас перед глазами.

Начало лета, тепло. На небосводе отдельные тучки, но солнце «работает» в полную силу. Склон покрыт низкорослой травой с отдельно выпирающими кустарниками.

- Смотри, смотри – кабаны! – мой спутник указал на склон, который мы только что вывершили. Поперёк склона продвигался выводок из семи кабанят при двух матках – сёстрах. Родительницы выбирали направление, заправляли всеми делами, кабанята лишь подчинялись и исполняли. Взрослые добежали до тропы, резко остановились – запах от наших следов достиг обоняния. Кабанята по инерции сунулись на тропу, но в тот же миг отпрянули в «тылы». Одна из кабанях развернулась, отправилась вверх, вдоль тропы, следом за ней – остальные. Проверка на запах – опять знак опасности. Не искушая судьбу, кабаны развернулись и замедленно ушли назад – откуда пришли.

У того табунка, точнее у взрослых маток, жёстко закрепился рефлекс избегания человека и всего, что с ним связано. Причины тому должны быть серьёзные: выстрел и связанное с ним ранение, загон с собаками, сильный шум, отключение зверей от корма. Надо полагать, табунок не приблизится ни к оставленному в лесу трактору, ни к дороге, насыщенной посторонними запахами, ни к домам.

Каждый год дважды кабаны мигрируют в вертикальном направлении: в апреле – мае – вверх, в высокогорье, в августе – вниз, на созревающие плоды деревьев и кустарников. Первая волна миграции приурочена к отступающей кромке снега. Считается, что градиент движения по высоте для кромки равен 5 – 3 дням на 100 м высоты. Кабаны передвигаются вверх по освещённым склонам. На северных экспозициях они иногда спускаются вниз из-за того, что таяние снега запаздывает. Табунок второй волны – в их составе новорожденные – мигрируют позднее. Судя по поведению: пугливость, высокая скорость передвижения – увиденный нами табунок кабанов условно может быть отнесён ко второй фазе миграции. Весенняя миграция направлена на «свежие», пригодные для рыва земли, а также преследует цель занятия «своих», летних угодий, оставленных в прошлом году в конце лета – осенью. Осенняя миграция, следуя наследственной программе, способствует проведению наживки в богатом плодами среднегорье и удалению из высокогорья с его мощным снежным покровом зимой.

Кабан – охотничий объект. Значительное число встреч человека с кабанами происходит на охоте, экстремальные «знакомства» – тоже на охоте (это не считая сугубо «охотничьих» рассказов). Здесь ограничимся одним охотничьим рассказом, поскольку цель нашего повествования – дать сведения по биологии и экологии кабана.

Осенней лунной ночью охотник по-кошачьи подкрался к выводку – табунку разновозрастных кабанов, мирно занимавшихся своими делами на плоском гребне. Кто-то из копытных рыл корешки, кто-то лежал под кустом, кто-то, пытаясь организовать игры, мешал и первым и вторым. Охотник включил фонарь, прикрепленный к стволу ружья для освещения мушки, прицелился, как позволяли ночные условия, выстрелил в крайнего

прошлогодка. Оказалось, что стрелок находится чуть ли не в центре кабаньего табунка. В поднявшемся содоме один из паникёров-прошлогодков, сам того не желая, подцепил охотника, протащил на себе несколько метров, пока неудачник не рухнул в развесистый куст шиповника. Разумеется, фонарь погас - выключился, ружьё вывалилось из рук. В кабана он, видимо, тоже не попал: ни самой добычи, ни следов крови от подранка. Всё-таки ночь, даже лунная, - не самое лучшее время для охоты.

Охотник, мой знакомый, при случае хвастал «боевыми ранами» - белыми пятнами – рубцами на шее (шиповник – колючий кустарник!). Вдобавок, пришлось долго лечить глаз. А что было бы, если бы охотник вошел в контакт с взрослым кабаном? Вопрос без ответа.

Кабан – пластичный вид. Это значит, что за год его поголовье может увеличиться в полтора раза. Уменьшение – ежегодный отход из популяции - происходит в основном за счёт молодняка. Изреживание популяции путём отлова иногда положительно влияет на здоровье оставшегося поголовья кабанов, способствует сохранению растительности.

Несколько лет отловом кабанов занимались в Сарычелекском заповеднике. В ловушку в глубине леса в осеннюю или зимнюю ночь попадало до шести-восьми разновозрастных кабанов. «Пленники», видя человека за изгородью, яростно кидались на прочную сдвоенную сетку, кровянили себе пяточки. Копытные старшего возраста иногда ломали себе ноги, а то и погибали в результате стресса.

С помощью переносной клетки кабанов, по одному, по два подволакивали к тракторным саням, перепускали во вместительную клеть. Испытав десятидневную передержку в просторной вольере, сменив несколько больших и малых клеток, кабаны оказывались в железнодорожном вагоне. Зверей доставляли в новые места для расселения – обогащали охотничьи угодья.

Зорька – так назвал лесник «найденного» в лесу кабанёнка – не отставала от своего воспитателя. Срабатывал инстинкт: следовать за матерью в первые дни после рождения.

Приезжающие в заповедник туристы, отдыхающие, научные работники изводили много плёнки, чтобы заснять дикого зверя в природе: переплывающую речку, взбирающуюся на скальный склон Зорьку. Кроме своего благодетеля, Зорька третировала всех других людей и не скрывала своих чувств, выражая их «зверским» видом: тело пружинилось, шерсть на загривке вздымалась, маленькие глазки излучали гнев и презрение. Испугаться можно было не на шутку, поэтому люди чаще всего просили защиты у находящегося здесь же руководителя – воспитателя. Исходя из этой грозящей людям опасности, лесник редко стал водить кабаниху по людным местам, но устраивал ей продолжительные прогулки за пределами посёлка. Иногда им попадали пороки кабанов, и Зорька тщательно их исследовала с помощью своего пяточка. Невинное это занятие через год кончилось плохо, но только для человека, взявшегося воспитывать дикого зверя: Зорька сбежала. В осенние короткие дни кабаниха иногда подходила к жилью, приводила двух – трёх компаньонов, но, уловив испуг с их стороны, убегала. Всю зиму человек кручинился, переживал и даже злобствовал на дикого зверя.

В конце апреля он, радостный, сообщил, что Зорька вернулась и привела с собой трёх кабанят, ею рождённых. Лесник не замедлил воспользоваться этим радостным событием: звери были помещены в загон с крепкими стенами. Двери в загоне не были предусмотрены.

История, похожая изначально на рождественскую сказку, закончилась печально: кабанят, а следом за ними и знаменитую Зорьку, отстреляли на мясо. Новый областной охотинспектор узнал о перипетиях кабаньей судьбы поздно – когда и мясо съели. Он, конечно, переживал.

Звери в горах иногда попадают в ситуации, когда их жизни угрожает опасность. Быть сметённым снежной лавиной для медведя после выхода из берлоги, а для горного козла в течение трёх – четырёх месяцев холодного периода – не так уж сложно. Звери для передвижения часто используют тропы, тем не менее, сломанные ноги – нередкое явление. Гибель в половодье, особенно молодняка, – такая беда нередка весной.

Стремясь облегчить жизнь позвоночным животным, в заповеднике занялись строительством переходов через речку, вздувающуюся по весне от полной воды в десяток раз. Три – четыре ствола, числящихся упавшими, перебрасывали с берега на берег, на лежащие стволы кидали ветви, засыпали грунтом и стволы сверху и «предмостные» подходы: «Добро пожаловать!» Всё это, в том числе финансовое обеспечение, проходило по статье «Восстановление экосистем».

Однажды в середине зимы я шёл по тропе, разбираясь в следах. Со мной увязались дети, использующие зимние каникулы для отдыха на природе.

– Кабаны, кабаны! – крикнул замыкающий. Увидев нас, два средневозрастных кабана, кормившиеся под бояркой, кинулись вниз. На берегу речки копытные потоптались, ухнули в студёную воду. Кабанам пришлось основательно выкупаться, хотя зимой воды в речке не так уж и много. Кабаны, не задерживаясь, направились в темневший в ста метрах арчёвник.

Только тут я заметил переходку, сооружённую по всем правилам. Оказывается, кабанов не устраивает переход. Они считают его хлипким, трясущимся при малейшем на него давлении. У зверей свои правила.

Я возвращался с учётных работ. Они регулярно проводятся в заповеднике с привлечением лесной охраны и работников научного отдела.

Ранняя весна в высокогорье. Тропа, скользкая от потоков снеговой воды: завалы снега ещё не растаяли на склонах северной экспозиции. Я, пеший, вёл лошадь в поводу. Преодолев очередной гребень, увидел в двадцати метрах выводок кабанов. Копытные кормились, точнее, кормилась одна матка: кабанята ещё не обучены этому занятию. Без сомнения, кабаниха водила кабанят впервые: столь мелка и щупла она была. Худое, чёрное туловище с удлинённой клиновидной головой, составляющей чуть ли не треть от туловища, отвислое вымя – брюхо, прямые, тонкие ноги. Маленькие, злые глазки дополняли картину – характеристику кабанихи, которую никак нельзя было отнести к привлекательным животным. Мокрые от дождя, полосатые кабанята – такие же тшедушные, как и мать.

Кабаниха некоторое время не замечала коня (я пригнулся за кустиком). Но вот она обнаружила живое существо и резко устремила к нам, не скрывая своих намерений. Конь, до этого пребывавший в дрёме, наострил уши. Я встал во весь рост, взмахнул руками, – шустрая кабаниха не отреагировала, и выводок пёр на нас. Десять метров, семь метров! Я крикнул. Выводок чуть изменил направление и прошёл по касательной мимо меня. Небольшая пробежка, и он скрылся за гребнем. Всеми действиями, конечно, заправляла матка, поросята толкались у неё в ногах или следовали за ней.

Встречи с кабанями в заповеднике – не в диковинку. Пугаясь человека, убегают матёрые секачи, во весь опор мчатся стада из двадцати – тридцати голов. Как же объяснить столь вызывающее поведение молодой кабанихи? Слепая материнская любовь, помноженная на бестолковость молодости. Наверное, это подходящее объяснение.

Чесотка.

Стрелять в заповеднике запрещено. Имеющуюся на руках лицензию нужно и желательно реализовать крупным зверем. Негоже иметь в заповеднике нездоровых, в

том числе чесоточных, зверей. Решением этих, можно сказать, непростых и противоположных по своей сути вопросов вынужден я был заниматься, отправившись на охоту за пределы заповедника. Я встретил двух сеголетков – кабанят, обезображенных чесоткой и внешностью похожих на львов (осталась одна грива). Кабанят пришлось отстрелять. Был грех: лицензию я посчитал нереализованной, место охоты сдвинул на сто метров, ибо граница заповедника проходила на таком расстоянии от места роковой для кабанят встречи. О чём я и доложил через час появившемуся в этих местах леснику.

Что-то из мяса от добычи я взял. Хотя охотники, порой отстреливая чесоточных горных козлов и кабанов, обычно не разделявая, бросают их из брезгливости либо избегают возможности заразиться. Но, считается, что человек, имея в ассортименте болезней «свою» чесотку, от зверей не заражается – возбудители не те.

Почему два кабанёнка бродили отдельно от выводка? Отстали ли, будучи изнурёнными болезнью, или чесотка разгромила весь выводок, включая матку? Следует считать непреложным факт гибели чесоточных кабанят в недалёком будущем – они не доживут до глубоких снегов. Одно хорошо: у кабанов чесотка встречается «гнездами», быстро сходит на нет.

Зима, глубокоснежье, мороз, гибель.

Зимой кабану снег всегда мешает. Кабан – самка или средневозрастный самец – бульдозером прёт через снежную толщу, оставляя за собой рыхлый ров. След в след за ведущим движется молодняк. Секачи-одиночки держатся особняком. На кабаньи пороги слетаются покормиться кеклики. До чёрной земли они самостоятельно пробиться не могут, кабаньи оказывают услугу попутно.

Длительное тяжёлое время наступает для кабанов, если мороз скуёт почву до выпадения глубокого снега. Рыть землю и добывать корешки не по силам, а то и вообще невозможно. Запасы подкожного жира, накопленные осенью, быстро тают. Голодный кабан малоподвижен, может легко стать добычей хищников, подвергнуться заболеваниям.

Во двор жилого дома лесника кабан забрёл среди ночи. Зарылся в объёды, выдаваемых ишаку. Ишак испугался, оборвал поводок-верёвочку и неприкаянно бродил по двору. Зверь очнулся от детских голосов: кабан, пусть даже в таком виде – кожа да кости, – развлечение для детей. Попытка хозяина выгнать пришельца, даже с помощью длинной палки, ни к чему не привела. Кабан нехотя помусолил кукурузный кочан, который бросила ему сердобольная хозяйка. Промучившись сутки на новой квартире, истощённый, четырёхлетний кабан сдох. Своей гибелью зверь создал трудности хозяину и ишаку: труп требовалось удалить куда-нибудь подальше.

Волок тянулся почти на две сотни метров – на всю длину склона. Земля со снегом была перемешана и вытоптана множеством птичьих ног, кусты частью придавлены, частью изломаны. На днище сая лежал остов кабана: позвоночник, рёбра, часть головы, чуть подальше – кости ног. Остальная плоть ушла в желудок и кишечник падальщиков.

Подранок – кабан ушёл от браконьеров, не достался им. Потерял много крови, сдох у самого гребня. Падальщики: грифы, сипы, стервятники – тотчас обнаружили поживу, тут же гомонили сороки и вороны. Крупные птицы тянули труп в разные стороны, стараясь урвать кусок побольше. Труп кантовался, катился под уклон, лишался плоти. В конце концов, оставшиеся от трупа кости обрели устойчивость. За дело принялись мыши и полёвки – они могут точить кости месяцами и годами.

Некоторые сведения заимствованы из книги: Ю.Н.Чичикин, Г.Г.Воробьёв. Кабан Юга Киргизии. 1967. Фрунзе.

ИЗ ЖИЗНИ ПАЛЕНОГО

Сказка – быль

Глава 1

- Закрыл ли ты трубу?

- Ты, оказывается, ещё топишь печь! На дворе май, почти лето, а ты дрова жжешь.

- У меня ребёнок, ему нужно тепло. Между прочим, ты должен о нём заботиться – он и твой.

- Этот ребёнок – уже муж! Когда-нибудь я по-настоящему займусь его воспитанием.

Ленивую перебранку «своих хозяев» барсучонок слушал в полудрёме. Он прикорнул на своём обычном месте - в поддувале печки на тёплой золе. День был насыщен до предела. С утра ему не дал отдохнуть маленький человек, который, несмотря на свою слабость, нещадно донимал его. Малыш считал, видимо, его живой игрушкой, всё время пытался выяснить, почему у него такие длинные, идущие за уши брови и такой короткий хвост. Пять дней подряд барсучонок почти блаженствовал – малыш уходил в детский сад. Последующие два дня для зверька были мукой, для малыша же отдыхом от жёсткого распорядка детского сада. Барсучонок пытался пустить в ход зубы, однако получил изрядную трёпку от крикливой мамы малыша и в дальнейшем своё спасение искал в потаённых углах дома, одним из которых и была печка. Он давно бы распрощался с беспокойной, хотя и сытной жизнью у людей, но не имел возможности убежать. Частые прогулки с хозяином барсук совершал на сворке, на ней же он просиживал большую часть дня под дуплистй орешиней, растущей среди двора. Вторым, кто причинял страдания зверёнышу, был жёсткий, тугой ошейник.

А было время – барсучонок не знал печали, довольствовался, сам не понимая, той долей счастья и радости, которую отпускает природа всем лесным зверям с самого рождения. В тёмной норе было тепло и сухо, единственная связь с внешним миром – мать – барсучиха, приносящая в нору весенние запахи. Возбуждённые незнакомыми запахами, зверёныши обнюхивали мать и, прильнув к соскам, с завидным упорством вытягивали до последней капли живительную влагу.

Отрывочные картины – не то сон, не то воспоминания – проносились в голове пригревшегося на печной золе зверька. Не возвратилась в срок мать, а барсучата определяли время её возвращения по опустевшим желудкам. Не пришла она и позже, когда из норы неслось пронзительное повизгивание осиротевших, голодных детёнышей. Один за другим они потянулись к выходу из норы. Мир ошеломил зверей. В небе висел ослепительный круг солнца, заливающий своим светом и кусты карамарта, из-под которых выходила нора, и журчащий внизу ручей, и красноватые скалы, нависающие над зарослями кустарников. Барсучата юркнули обратно в нору, Но голод толкал их наружу. Зверьки держались вместе у норы, пытались утолить голод молодой травкой, пробившейся на рыхлых отвалах земли, выброшенной из норы, или ловить кобылок, шустро прыгающих в колеблющемся полуденном мареве. Когда-нибудь им пришлось бы начинать самостоятельную жизнь самим – без матери, полагаясь на инстинкты и на терпение и милость природы. Но пора самостоятельной жизни пришла к ним внезапно и слишком рано.

Солнце склонялось всё ниже и ниже, коснулось горизонта и исчезло за дальней горой. С затенённых, поросших ореховым лесом склонов потянуло холодом завалов нерастаявшего снега. Окрестные горы и долины обволокла привычная для барсучат темнота.

Один из зверьков рискнул удалиться от норы. Он не знал, что этим шагом он лишил себя и уютной норы и общества своих братьев и сестёр. Заросли кустов внезапно расступились, и зверёк оказался на гладкой, без камней и травы полосе земли, полной незнакомых запахов. Принюхиваясь, барсучонок побежал по дороге.

Впереди возникло колеблющееся светлое пятно. Любопытствуя, зверёк остановился. Пятно приблизилось и превратилось чуть ли не в подобие дневного светила, к которому так и не смог привыкнуть за день барсучонок. От яркого света пришлось зажмуриться. Зверь фыркнул и, пригнувшись к земле, зашипел. То, что так неотразимо действовало в норе на братьев и сестёр, не испугало незнакомое существо, излучающее свет. Напахнуло густым, незнакомым запахом.

- Возьми фонарь, я курткой накрою барсучонка.

Услышав посторонние звуки, зверёныш догадался, что опасность заключается не в источнике света – за ним обозначились рослые, нескладные фигуры. Лучи света приковывали и завораживали.

- Зачем тебе понадобилась эта вонючка?

- Буду кормить и смотреть за ходом линьки.

- Пожалеешь: не было куме печали – купила порося.

Свет померк, и на барсука обрушилась тяжесть, придавившая его к самой земле. Малыш не успел опомниться, как был спеленат курткой.

- Удивительно, никогда в прошлые годы не встречал так рано бродяжничающих барсучат – сеголетков. Обычно они покидают родную нору в начале июня.

- Что-то заставило дитяню выйти так рано «в люди». И не мудрено, что сразу же он попал впросак.

Лесник и охотовед заповедника возвращались в этот поздний вечер с «добычей».

Прошлая жизнь (если зверям доступны воспоминания) оставила барсука. Пригревшись на золе, он впал в глубокий, безмятежный сон, который обычно прерывался только утром – барсук безошибочно угадывал время восхода солнца. На тот раз солнце всходило значительно раньше и быстро взбиралось по небосводу. Удивление барсука было беспредельно. Солнце грело немилосердно, и он уже намеревался перебраться в тень. От жгучих лучей вспыхнул волосяной покров на боку. Барсучонок завизжал, закрутился на месте.

- Сколько раз было говорено, что барсук когда –нибудь сгорит в печке – вот тебе результат.

В темноте метались полуодетые люди, гремели роняемые предметы, тучей носилась поднятая зола, приправленная едким запахом горелой шерсти. По комнате молнией прорезал мрак искрящийся и визжащий комок, который был барсуком. Он выскочил в открытую дверь, головой вышиб следующую дверь в сенцах. Не касаясь ступенек, барсук полетел с высокого крыльца. Инстинкт гнал барсука вниз – там спасение. Боль становилась невыносимой, ещё мгновение, и он потеряет способность двигаться. Два – три метра барсучонок катился под уклон по инерции. Этого оказалось достаточным, чтобы свалиться в воду. Бурный поток арыка подхватил неподвижное тельце барсука и понёс его вниз.

Необходимое добавление.

Барсук – средний по величине и весу хищник. Предельная масса некоторых самцов – 25 – 30 кг, но для большинства представителей этого вида вес не превышает 15 кг. Короткие лапы, общее развитие вширь могут дать ошибочное основание для отнесения барсука к мелким зверькам. Синевато-серый общий окрас на брюшке переходит в тёмно-бурый. На «бровях» чёткие тёмные полосы-ленты, что позволило на языках некоторых тюркских народов назвать зверька кашкулаком - «брови на ушах».

У моего знакомого правая рука была разлапистой, корявой. При встрече это всегда бросалось в глаза: приходилось здороваться, брать её в свою руку. Своей значительностью особенно выделялся большой палец: чёрный, с рубцом повдоль и без ногтя. Все, кто пожелает, могли услышать незатейливую историю о пальце из уст владельца.

- Со своим Нордом (Норд – отличный фокстерьер!) пошёл на охоту. Фокс придавил в норе барсука и, пятась, вытянул его на поверхность. Но на радостях оплошал – зверь вцепился ему в глотку. Я дубинкой огрел барсука – не выпускает. Стал ножом разжимать ему зубы. Но стоило мне разжать, как барсук перехватил мою руку вместе с рукояткой кинжала. Зверь убежал. Норд валяется без признаков жизни, кое-как очухался. У меня кровянистая хлещет из раны. Норд после этого прожил ещё семь лет, а я вот красуюсь своим подвигом уже третий десяток лет.

Занятная история! Как нельзя лучше подтверждает, что барсук относится к хищникам, имеет острые зубы, готов постоять за себя.

Глава 2

Паленый не погиб – ему было суждено (в который раз!) снова начать жизнь. То ли купанье в холодной воде вернуло ему способность ощущать мир, то ли бурная вода отпустила его из своих объятий, но каким-то образом он оказался на прибрежной лужайке под громадной скалой. Проблески в сознании чередовались с длительным забытием. Шумела река, каркали вороны, почуявшие близкую добычу. Ночь сменилась днём, ушла и следующая ночь, а барсук всё лежал под скалой, временами жалобно повизгивая.

Окончательно Паленый пришел в себя от чьего-то теплого и влажного прикосновения к своему носу. Перед очнувшимся барсуком стоял зверёк чуть больше его самого. Острые копытца, пяточок и полосатая спинка, несомненно, изобличали в нём дикого поросёнка, иначе – кабанёнка, но барсук этого не знал и со страхом взирал на пришельца. Кабанёнок хрюкнул, спиралью закрутил свой хвостик. Мгновенно рядом с ним очутился ещё один такой же зверь. Увидев барсука, он испуганно взвизгнул и отпрянул в сторону. За скалой, по-над речкой их мать – кабаниха с тяжёлой клиновидной головой, высокими ногами и выпирающими рёбрами усердно перерывала мягкую, влажную землю в поисках съедобных корешков и червей. По мере сил ей помогали, но больше мешали, четыре шустрых кабанёнка. Кабаниха подняла рыло вверх, с шумом втянула воздух и издала тревожный рык. Где-то поблизости проходил человек. Свинья с опаской водила свой выводок кормиться на берег реки – мешали близкие дома, рядом с ними сновали люди. Но её привлекала мягкая, податливая земля - в ней водились дождевые черви.

Возня кабаньего семейства, хрюканье и визг кабанят всполошили барсука. Сердце его билось с удвоенной частотой. Он приник к скале, на время забыв про боль в обожжённом боку. Кабанята потеряли к нему интерес и присоединились к выводку.

Смерть витала над барсуком и не только в образе каркающих ворон, с нетерпением ожидающих поры, когда можно будет безбоязненно выклевывать остекленевшие глаза у неподвижного зверька. Паленому грозила смерть от голода – вторые сутки он ничего не ел. Приход кабанят, их смачное чавканье и хрупанье вызвали и у него желание что-либо пожевать. Но стоило ему пошевелиться, как его истощённое тельце пронзила боль. На правом боку блестело лишённое волосяного покрова пятно. Из трещинок между багровыми пластами корки сочилась сукровица. Понемногу Паленый выбрался из своего убежища, дополз до воды и долго пил, утоляя жажду, мучившую его в эти дни.

Выводок кабанят, следуя за маткой, скрылся в густой темноте ночи. Паленый, подволакивая задние ноги, выбрался на их свежие поковки. Кабанята, видимо, были сыты, играли друг с другом. Кабаниха большей частью подбирала корм с земли либо взрыхляла её у поверхности. Опустив острую мордочку к земле, барсучонок полностью доверился обонянию. В рот попала мягкая плоть дождевого червяка, потом пришлось разгрызть пахучий прошлогодний корешок. Попадшую в рот ракушку он разжевал вместе

со слизнем, спрятавшимся в ней. Барсук тщательно обследовал кабанью попку. В пылу борьбы кабанята растащили живую жабу за лапки, и её туловище упало за кочку. Пережевав жабу, Паленый, кажется, утолил голод. Но его мучила боль, тело распирало от жара, конечности плохо повиновались.

Продвигаясь вниз по речке, зверёк уткнулся в деревянный сруб, служивший основанием моста. С дорогой, набитой скотом и наезженной машинами, у Паленого были связаны самые дурные воспоминания. Поэтому он преодолел гладкую полосу со скоростью, на какую был способен. За мостом к речке подходил сай – русло ручья, пересыхающего летом в засуху, вспучивающегося от воды и грязи в период дождей. На дне сая струилась смирившаяся после давнего дождя прозрачная солоноватая вода (Паленый её попробовал), подсыхая грязь приятно пружинила под лапками барсука. Чем дальше он уходил от реки, тем уже становился сай. Красноватые глинистые обрывы уходили от реки вверх, и лишь несколько звёзд с бледнеющего к утру неба заглядывали на дно ущелья. Внезапно сай расширился, предоставив возможность поселиться на площадке несколькими деревьям ореха и кустарниковой заросли. Паленый обследовал старые орешины и остановил свой выбор на одной с просторным дуплом, начинающимся от самой поверхности земли. Забравшись в него, Паленый забылся тяжёлым сном.

Необходимое добавление.

Со всеми кунными барсука роднит наличие железы у анального отверстия, вонючей для других животных и человека, а для барсуков, надо полагать, весьма приятной, так как она служит для привлечения «своего брата», барсука, как во время гона, так и в повседневной жизни.

Для некоторых кунных (барсук – не исключение) отмечена задержка в развитии плода в утробе на несколько месяцев. Поэтому рождение и новое оплодотворение происходит чуть ли не в одни дни. На юге ареала по времени это приурочено к ранней весне – в феврале – в начале марта. Чтобы развеяться от забот и тягот текущей жизни, барсуки (не все) организуют ложный гон, он приходится на конец мая – июнь, а у некоторых бывает осенью. Через два три месяца после рождения молодые выходят из норы и до осени оттачивают навыки самостоятельной жизни, приступая к которой, они забывают и родителей и однокорытников – сестёр и братьев: просто у них появляется свой комплекс запахов, свой индивидуальный стереотип поведения.

Глава 3

Распрощавшись с людьми (и без сожаления!), Паленый покончил с их распорядком. В доме он просыпался, опережая хозяйку, которая на первых порах извлекала барсучонка с помощью клюки. В лесу же он позволил себе отдохнуть.

Ясная звёздная ночь подарила обильную росу, и Паленому пришлось лежать до полудня, дожидаясь, когда с молодой травы сойдёт роса, неприятно холодеющая барсучий безволосый животик. Обожжённое пятно по-прежнему ныло, но сукровица перестала сочиться, Приложив значительные усилия, Паленый по пологой звериной тропе выбрался из сая. С гребня открывался широкий обзор на зеленеющие заросли карамарта и боярышника, цветущие кусты яблонь и груш, оттеняемые красноватыми скалами. Внизу

свежей побелкой белели домики, глухо шумела разбушевавшаяся от таяния высокогорных снежников речка.

Весенний день был в полном разгаре. Солнце то скрывалось за набегающими с запада кучевыми облаками, то ласково грело, заботясь о всех живых существах, добывающих прокорм, убегаящих от кого-либо или, наоборот, догоняющих кого-то. В кустах неумолчно заливались мелкие птицы: соловьи, овсянки, пеночки. В траве стрекотало многочисленное племя насекомых. Жизнь открывалась перед Паленым с самой лучшей стороны.

Из состояния благодушной забывчивости Паленого вывели шелест прошлогодней травы – ветоши, мягкий топот звериных ног и дружелюбное повизгивание. Мимо него в трёх метрах, не обращая никакого внимания, пронеслись два барсука. В бытность у людей, Паленый часто подвергался нападкам хозяйки дома за скверный запах. От пробежавших зверей пахло «по-настоящему». Барсуки резко остановились и, прильнув к земле, уставились друг на друга. Затем зверёк, что крупнее, обжегал вокруг другого, принюхиваясь. Паленого заинтересовал ритуал встречи и, приблизившись к взрослым, он взвизгнул. Барсучонок тот час же пожалел, что заявил о своём присутствии. Взрослый барсук в прыжке сбил его на землю, схватил за загривок, встряхнул и пустил вниз. Паленый, испуская жалобные вопли, пролетел до скалы, торчащей у края обрыва, где смог задержаться. Жалуюсь всему миру на столь грубое обращение, барсучонок принялсялизывать бок, так как от поджившей раны отвалился изрядный кусок подсохшей корочки. Оглянувшись вверх, Паленый никого не увидел. Взрослые звери, увлечённые игрой, понятной им одним, умчались по склону.

Вместе с вернувшейся болью Паленый почувствовал приступы голода. Конечно, подхватывая с земли языком слизняков, здесь и там оставляющих серебристые полосы-следы, сыт не будешь. Инстинкт зверя, попавшего в беду, заставлял его рыть только те корешки, в которых содержалось целебное начало. Скорее прекратить эту невыносимую боль в боку, сбить жар, разлившийся по всему телу! Сдвинув камешек, придавивший основание длинного сухого стебля девясила, Паленый принялся обрушивать лапами мелкозём, в котором толстый стержневой корень пустил паутину волосовидных корешков. Обнажив корень на вершок, барсук перекусил его и принялся жевать, отделяя в своей пасти камешки, сухую кору и деревянистые перетяжки от сочной мякоти – её-то он отправлял в желудок. Покончив с корешком, Паленый накрыл лапой подвернувшегося кузнечика и отправил в пасть. Изрядно повозившись, он отрыл корень дикой моркови. В сравнении с девясилом-сарындызом мякоть морковника была лакомством – сочная, без терпкого деревянистого вкуса и почти без запаха. Следующую добычу – мягкий, со слизью корень мальвы Паленый жевал уже через силу. После обильной пищи хотелось пить, и он направился к месту своей ночёвки, в сай.

Не удержавшись на крутой тропе, Паленый с шумом скатился к воде. Лакая воду, он услышал осторожный шорох и вслед за ним шипенье. По мягкой, полувysохшей грязи, оставляя приметный след, струилась серая лента – неведомое Паленому существо. Свернувшись в тугую спираль, змея подняла головку и уставилась немигающими глазами на барсука. Изо рта выскочил и затрепетал взад – вперёд раздвоенный язычок. Щёки раздулись, отчего голова щитомордника стала треугольной. Паленый зачарованно

смотрел на неё, хотя и чувствовал скрытую угрозу в её позе. Змея немного успокоилась, расслабила кольца своего тела и сочла благоразумным удалиться. Её тело вновь заизвивалось на мягкой глине. «Всё, что от тебя убегает – нужно догнать, убить и съесть!» – этот закон, бытующий среди зверей, подтолкнул Паленого на решительные действия. Он забыл про свой недуг, про слабость. Его тело ещё находилось в прыжке, а зубы уже сомкнулись в основании змеиной головы. Удар тугого тела пришёлся по обожженному боку, но барсука это не смутило – он весь находился во власти борьбы. Кровь заполнила пасть, на зубах хрустели шейные позвонки – Паленый продолжал сжимать челюсти. Змея ещё судорожно била хвостом, а барсук уже начал её заглатывать. Как и всякую вкусную пищу, барсук почти не жевал змею. Не беспокоил его и яд в голове, которую он проглотил в первую очередь. Яд в желудке и кишечнике разлагался и не оказывал вредного действия. В считанные минуты со змеей было покончено, и Паленый огляделся вокруг, чем бы ещё поживиться. Но переполненный желудок располагал только к отдыху. Не спеша, барсук направился к орешине, в дупле которой он провёл предыдущую ночь.

Необходимое дополнение.

Барсука с полным правом можно отнести к всеядным животным. Его всеядность в наибольшей степени проявляется после выхода из норы. Конечно, будучи хищником, он предпочитает животную пищу. Но её мало. Наткнувшись на труп кабана, зверёк базируется поблизости и переключается на поглощение мёртвой плоти, пока её не прикончат настоящие падальщики.

Барсук, в первую очередь, исследователь. Наклонив голову (так легче принохиваться), зверёк, где шагом, где рысцой, передвигается либо по тропам, либо по закустаренным склонам, галечниковым поймам. При этом зверёк на ходу «сшибает» чернотелок, зазевавшихся мышей, полёвок, жаб, гологлазов, не чурается любых трупов и трупики. Наткнувшись на вкусный, по его мнению, корешок, он останавливается, пускает в ход лапы, зубы и съедает вместе с землёй отрытую «добычу». Зверёк срывает листочки и стебельки трав, но «настоящей» пищей их не считает.

Весной из числа перезимовавших барсуков выделяется группа животных, специализирующихся на добывании насекомых, в основном чернотелок, и утилизации их трупов. Представители этой группы не поедают подгнившие плоды деревьев и кустарников, не роют корешки трав. Они, как правило, очень худы. Другая группа, особи с «нормальным» телосложением сохраняют некоторые запасы жира, накопленные перед залеганием в спячку. Сохранение жира возможно до начала – середины лета.

В конце весны – в начале лета обособляется группа зверьков – «специалистов» по птичьим гнёздам. Тропление «в пяту» барсука, застигнутого над «хищным» занятием, – растерзанием кеклика-наседки на гнезде (яиц или скорлупы в гнезде не оказалось) – показало, что зверёк за полдня наткнулся и разорил два гнезда мелких птичек с птенцами и гнездо кеклика, в котором яйца оказались побитыми до его прихода каким-то пернатым хищником: на запах «яичницы» и припелся барсук.

Глава 4

Весна постепенно, без борьбы и резких изменений переходила в прохладное лето. Листва ореха из зелёно-коричневой перекрасилась в изумрудную. Боярка сбросила на

землю белокипенный цвет. Среди светло-зелёного травостоя лугов здесь и там появились золотистые цветоносы чиряша - эремуруса, которые тут же облепляли прилетевшие за взятком пчёлы. Птицы совмещали заботы и дела по насиживанию яйцекладок с прославлением своего бытия: соловьиные трели, рулады иволги, крики перепёлок и коростелей не замолкали весь длинный, летний день. Прибавилось звериное население степей, лесов и скал: появились детёныши косули, вышли из нор и начали самостоятельную жизнь лисята и барсучата.

Паленый заметно отличался от своих ровесников – и повадками бывалого зверя и телом был крупнее. Обожжённый бок затянулся свежей кожей и покрылся редким волосом. Ничто больше не беспокоило зверька, и он, как никогда, наслаждался жизнью. В пище он стал разборчивым и жевал не всё подряд, а только самое съедобное и самое вкусное, с его точки зрения. Слава зверя-чистоплюя не позволяла барсуку занять какую-нибудь заброшенную нору. Он вырыл себе жилую нору, довольно просторную, с дополнительным входом и с двумя отнорками, не считая внутренней уборной. Обеспечившись жильём, барсук стал считать себя хозяином окрестных обрывов, саёв, кустарников и рощиц ореха. Это право он усиленно подкреплял многочисленными метками, которые он не затруднялся ставить при всяком удобном случае в радиусе полукилометра от норы.

Однажды в вечерних сумерках Паленый наткнулся на свежий след барсука. Он тут же загорелся жадной мщенью. Проворной рысью он кинулся вдогонку по следу, отмечая, что его противник мал, не силен и, по-видимому, не совсем здоров, о чём поведали запахи. Но будь его противник вдвое сильнее, Паленый не замедлил бы схватиться с ним – справедливость отстаиваемого дела удешевит силы.

Барсука, так нахально вторгшегося в его владения, Паленый застал за самым будничным занятием – он, не спеша, разбирал трухлявую колодину, выискивая личинок. Подобное дело Паленый считал ниже своего достоинства: черви, личинки, куколки и жучки – не самый лучший корм. Если же судить по внешнему виду пришельца, по его включенной, ломкой шерсти, по худобе – это была его основная пища. С первого прыжка Паленый сбил квелога барсука на землю, но противник и не думал сопротивляться. Он не знал, за что треплют его на этот раз. Все несчастья – голод, побои, проливные дожди – молодой барсук (а он был из того же выводка, что и Паленый) принимал, как должное. Ему не повезло с самого начала самостоятельной жизни, и только по счастливому везению он был до сих пор ещё живой.

Дважды перевернувшись, пришелец вскочил на ноги и кинулся прочь, жалобно подвывая. Не получив сопротивления, Паленый потерял к нему интерес, но для остротки трусил за ним до ручья, злобно урча.

У ручья можно было чем-либо поживиться: по стремнине сновали гольяны и маринки, на мелководье выводили трели щекастые лягушки, между камней спускался к воде толстый уж. Но не они привлекали Паленого: слишком вёрткая добыча. К тому же, с недавних пор корешки трав потеряли сочность, и барсуку пришлось изыскивать другие виды пищи. Объекты и способы добывания не замедлили объявиться. Теперь Паленый со всеми предосторожностями пробирался в зарослях кустарников и в высоком травостое, где мелкие птички понавили свои гнёзда. Если не удавалось застать врасплох хозяина гнезда, барсук довольствовался яйцами. Охота была не так легка, как это могло

показаться с первого взгляда: птицы, тихо сидящие на гнёздах, совершенно не издавали запахов. Паленому всё же удалось за ночной поход отыскать два – три обитаемых гнезда.

Уже в темноте Паленый пересёк дорогу и вышел на обширную поляну. В глубине её чернело какое-то сооружение, пахнущее металлом. С этим неприятным запахом Паленый хорошо ознакомился, находясь в плену у людей. Любопытствуя, зверь с осторожностью приблизился к клетке, изготовленной из металлической сетки, натянутой на деревянный каркас. У её входа щедрой рукой были разбросаны полураздробленные початки кукурузы. И хотя барсук повсюду, где человек оставлял запах, ожидал неприятностей, на этот раз набросился на раздробленную кукурузу. Подобрал у входа, Паленый хотел было уйти, но напоследок решил извлечь крупный початок, заманчиво желтеющий в глубине клетки. Треск сзади заставил его бросить кочан и метнуться к выходу. Это сработала стронутая насторожка. Паленый оказался в ловушке, предназначенной для отлова и мечения барсуков, дикобразов и кабанят.

В первые мгновения Паленый потерял голову, принялся бестолково толкаться в гибкую, отталкивающую назад сетку. Успокоившись немного, он тщательно обследовал всю клетку. Опадная дверца при падении немного перекосилась, оставив небольшое отверстие. Барсук втолкнул в него нос, затем удалось просунуть всю голову. Он чуть было не задохнулся, когда дверца переместилась на шею. С великим трудом барсук просунул лапы. Заднюю часть тела он просто выдернул из-под тяжёлой доски. Отдышавшись, Паленый побрёл прочь от клетки. На тот раз ему удалось избежать встречи с людьми.

Пока он возился, высвобождаясь из ловушки, вокруг всё изменилось. Темнота стала густой и липкой от избытка влаги, скопившейся в душном воздухе. Звёзды исчезли, небосвод застлали тёмные грозовые тучи. Временами вдали сверкала молния. Удручённый пережитым, Паленый не обращал внимания на приближение грозы. Лишь с первыми тяжелыми каплями зверёк резво устремился в поисках укрытия. У молодой орешины, на которую он наткнулся, дупла не было, крона просвечивалась. Барсук через минуту вымок от безудержного ливня, обрушившегося полосой на долину. Под проливным дождём он добежал до другой орешины с толстым наклонным стволом. Но ветер изменился, и под эту ненадежную защиту стало задувать брызги. Воды барсук не боялся, но сочетание воды, грома, молний и ветра нагоняло страх на него. Ливень уходил вдаль, когда Паленый после перебежки юркнул под скалу, нависшую над ручьём. Под ней было сухо и не задувало. Но и здесь что-то тревожило барсука. Шелест уходящего ливня и далёкие раскаты грома перекрывались шумом ручья, а тот шум становился всё более зловещим. Безобидный до ненастья, ручей превратился в бешенную горную речку, выплескивающую через край тёмную от грязи воду. По дну его со скрежетом перекатывались многопудовые камни. Такое соседство было небезопасным, и вымокший, дрожащий зверёк покинул убежище и побрел прочь. Паленый несказанно обрадовался, когда наткнулся на ель, опустившую темно-зелёную крону до самой земли. Пробравшись сквозь переплетение колких еловых лап, он оказался на мягком ложе из слежавшегося многолетнего опада хвоинок, чешуек от шишек, веточек. Враждебный мир, пугающий шумом и потоками воды, остался за плотным покрывалом, сотканным из сучьев и хвои. Сделав углубление в мягкой подстилке, Паленый свернулся на нём в тугой клубок и забылся тяжёлым сном.

День клонился к вечеру, когда Паленый покинул убежище под елью. Голод преследовал его. Ненастье не окончилось, небо по-прежнему было затянуто тяжёлыми тучами. С перерывами шёл дождь, но временами сквозь облака просвечивало солнце. Было сыро и неудобно. Выскочив на размытую дорогу, барсук осмотрелся и принялся. Запах человека, которым столь богата любая дорога, был смыт последним дождём. На

мокрую траву не хотелось ступать, и Паленый, опустив вниз клиновидную голову, вперевалку двинулся по дороге.

Пасмурный день незаметно перешёл в ночь. Темнота разлилась вокруг. Но для Паленого она была привычной: все хищники ночью видят одинаково, что и днём. Невдалеке сверкнул огонёк. Дорога обогнула изгородь из колючего джержанака (облепихи), и взору Паленого предстал глинобитный дом, светящийся окнами с одной стороны. С собаками барсук раньше не познакомился (их не было в посёлке заповедника), и он смело направился к дому. Все съедобные отбросы, как и следовало, подобрали куры. Паленый по их следам двинулся к сараю. У входа на подстилке лежала большая чёрная корова. Она неторопливо жевала и временами отдувалась. На барсука она не обратила внимания, - видимо, не раз встречала в лесу таких зверей. И если бы она обладала разумом человека, то посмеялась бы над распространенной басней, что барсук высасывает молоко из вымени коровы.

Паленый на мгновение приостановился, обежал корову и оказался у решётчатой дверцы, откуда несло густым птичьим запахом. Упёршись лапами в дверцу, барсук сорвал её с непрочного запора-верёвочки и проскользнул внутрь. Вверху на насесте предостерегающе кокнул петух, но тревоги поднимать не стал. Двигаясь вдоль плетёной стены, Паленый наткнулся на деревянный ящик. В нём на яйцах сидела наседка. В темноте она не видела, поэтому не почувствовала приближения опасности. Барсук же и в стенах курятника видел отлично. Он в прыжке прокусил курице голову, и она не успела подать голос. Предсмертное хлопанье её крыльев встревожило других куриц, дремавших на насесте, и они не замедлили поднять тревогу. Паленый завяз с непомерной ношей на выходе из курятника. Хлопнула дверь в доме, послышались голоса людей. Пришлось бросить добычу и спастись. Палка, брошенная человеком, прошла вдоль спины. Барсук съёжился, галопом обогнул сарай, наткнулся на привязанного ишака, который начал фыркать и колотить ногами, но Паленый увернулся и благополучно преодолел колючую изгородь через отверстие. Свистели камни, обрушивая с кустов потоки капель, шуршала под стремительно скачущим барсуком мокрая трава, сзади слышались негодующие крики. Шум, поднятый людьми, отдалялся, доносился глуше и глуше.

Голова курицы, побывавшая в пасти Паленого, только обострила чувство голода. Отдышавшись, он направился на поиски пищи, не обращая внимания на брызги, сыпавшиеся на него с высокой травы и кустов. Теперь Паленый не гнушался ничем: на опушке орехового леса он разобрал гнилую колодину и съел десяток невкусных жёстких личинок. Наткнувшись на ремень, барсук обгрыз кислый деревянистый стебель. У старого остожья зверёк принюхался и тщательно собрал выбравшихся на поверхность земли дождевых червей. Вскоре его живот был туго набит, хотя чувство голода осталось. Безошибочно взяв направление, барсук поспешил к своей норе, в которой не был двое суток.

Необходимое добавление.

Барсуку могут быть приданы такие черты характера, которые не грех иметь и человеку: трудолюбие, деловитость, уживчивость, как к себе подобным, так и с представителями других видов, соблюдение чистоты в жилище – норе. Какой ещё зверь-норник оборудует (выкопает ямку) уборную в трёх-пяти метрах от входа в нору? Барсук не удовлетворяется одной, делает две уборные. Добавим сюда немаловажное качество – крепость костяка и мышц.

Эти качества в наибольшей мере проявляются при сооружении жилья – рытье норы, а также при проживании в ней. Норы барсука встречаются на затененных, северных склонах – здесь мягкий, мощный глинистый грунт. Зимовочные норы отличаются капитальностью, и не зря на них покушаются волки и лисицы. Волчья семья, заселив нору

барсука, выдавливает хозяина не только из норы, но и с участка – при мирном разрешении жилищного вопроса. Если же при контакте с волчьей стаей барсук поедается, как добыча, - вопрос с жильём решается сам собой и без всяких проволочек. Пара лисиц выдавливает барсука из зимовочной норы своей вонью, шумом, склочной неуживчивостью.

При сезонных кочёвках барсук роет примитивные, неглубокие, так называемые, защитно-кормовые норы либо пользуется временными убежищами под скалами, в расселинах. Особой любовью у барсука пользуются трухлявые валежины с дуплами. Вполне возможно, что в некоторых дуплах горизонтального простирания барсуки ложатся на зимовку.

Глава 5

Установилась переменная погода, характерная для орехово-плодовых лесов в середине лета. Росное, прохладное утро сменялось полуденной жарой, с запада чередой набегали кучевые облака, сгущались в тёмные грозовые тучи, а к вечеру уже шумел ливень. В чистом воздухе, насыщенном испарениями, сочно зеленели кроны грецких орехов, красноватые скалы отпечатывались на фоне громоздящихся друг на друге ватных облаков. Обнажились от снега далёкие высокогорья, лишь кое-где в глубоких ущельях сохранились грязно-белые остатки снежных лавин.

Вернувшись той памятной ночью к норе, Палёный застал её занятой. Из одного отнорка слышалось рычание лисицы, скорее приветливое, чем злобное: хитрая лиса рассчитывала жить в одной норе вместе с хозяином. Барсук, считая себя зверем опрятным, тут же удалился, оставив нору наглой квартирантке, успевшей загадить просторное и чистое жилище. Палёный обосновался невдалеке под громадным обломком скалы, скатившейся когда-то с горы.

Курумник, над которым возвышался камень, зарос малиной. Её темно-зелёные неплодущие стебли чередовались с крепкими кустиками со светло-зелёной листвой и сочными ягодами. Палёному не приходилось ходить далеко, чтобы утолить голод. И днём и ночью, рыская среди кустов, он мог вдоволь наесться осыпавшимися на землю, перезрелыми ягодами малины. Скоро он приспособился обирать ягоды губами прямо с кустика, приподнимаясь на задних лапах. Сладкую пищу он разнообразил ящерицами и кузнечиками. Гоняться за шустрыми существами ему было приятно. Часто ему удавалось изловить и пернатую дичь. Вначале свои успехи в ловле птиц он относил за счёт ловкости, но затем догадался путём проб и ошибок, что уйти от него не могут только птенцы, полуоперившиеся слётки. В схватки со змеями он больше не вступал, обходил их стороной, инстинктивно полагал, что шутки с ними плохи. Спокойно и размеренно протекала его жизнь, без тревог, чередуясь заботами о пище и сном в укромном убежище. Наевшись доотвала, Палёный отправлялся бродить, знакомиться с охотничьим участком, в котором он считал себя хозяином, по крайней мере, среди барсуков.

Проходя однажды по закустаренному лесу и держа в своей обычной манере нос к земле, Палёный наткнулся на яблоко, закатившееся в ямку. Хотя яблоко было изъедено червем, новый вид пищи барсуку очень понравился, и он обследовал яблонник с особой тщательностью. Найденные яблоки все были с червоточиной, и, едва начавши зреть, осыпались.

На опушке яблонника Палёный встретил двух кабанят. Свины-матки с ними не было. Судя по их заморенному виду, поросята сиротствовали давно. Матка, видимо, погибла либо заболела и бросила выводок. Лесная жизнь, полная опасностей и неожиданностей, жестоко наказывает неприспособленных. Больно ударила она и по

осиротевшему выводку: из четырёх – шести кабанят нормального по числу выводка осталось лишь два, да и те были худы из-за неразборчивости к кормам.

Паленый не впервые сталкивался с кабанами – могучими лесными зверями. Отношения с ними строились просто: если не станешь на их пути, то кабаны тебя не заметят. И поэтому барсук был ошеломлён, когда ближний кабаненок, вытянувшись струной и взъерошив загривок, кинулся на него. Паленый здорово перепугался и показал отличную работу ног. И всё из-за какого-то взбалмошного зверёныша, не разбирающегося в лесном укладе, где всё ясно: кто кого должен преследовать и кто к кому больше расположен, доедая остатки стола.

Новый запах привлёк его внимание. Он исходил от крупных следов – отпечатков на грязи у родника, где любят купаться кабаны. Следы напоминали его собственные, может быть, тем, что при ходьбе и Паленый и тот неведомый зверь опирались не только на пальцы, но и на пятку. Заинтересовавшись, барсук двинулся по следам. На тропе тонким слоем была разлита крепко пахнущая масса коричневого цвета с семенами-косточками алычи, но, признаться, весьма приятная для обоняния барсука. Это были последствия неумеренного употребления ягод алычи медведем, чьими следами барсук заинтересовался. Весной и летом Паленый не мог познакомиться с медведем или его следами. Крупный и довольно редкий для ореховых лесов зверь зимует выше леса, в скалах высокогорья устраивает свою берлогу. Там же, на лугах он проводит весенне-летний период до начала созревания алычи и яблок, а затем спускается в лес, где и держится до глубокой осени. Барсук фыркнул, обошёл лужицу и направился вверх. Знакомый алычовник был основательно разгромлен медведем. Зверь обломал вершинки у кустов, а кое-где вывернул непокорную алычу под корень. Паленый дотянулся носом до желтой, налитой ягоды – кислый, терпкий сок уколол язык тысячами иголок. Ягоды не совсем ещё созрели, но, видимо, медведя это не смущало. С самим зверем не пришлось встретиться, но, ознакомившись с его следами и его «работой», Паленый поставил его в лесной иерархии рядом с кабаном – бояться особенно не стоит, но и под лапу такому великану лучше не попадать.

Глава 6

Исчезли с небосвода стаи кучевых и слоистых облаков, воздух прокалился и подёрнулся дымкой. Из Ферганской долины пришла засуха, обычная для орехово-плодовых лесов в последний летний месяц. В короткий срок пожелтел травостой на кунгях, закружились в летнем листопаде бурые листочки карамарта и шерстистой жимолости, свернулись и стали звонкими большие листья – лопухи сарындыза. Только ореховый лес на затененных склонах мог ещё противостоять губительному наступлению засухи: двухметровая зернистая почва экономно расходовала мощный запас влаги, накопленный в зимние и весенние месяцы.

Отошла малина, но Паленый отъедался на яблоках и грушах, насыпанных сплошным ковром под деревьями. Через некоторое время после первой дегустации плодов он нашёл, что под отдельными деревьями плоды вкуснее, и стал ещё более разборчивым в пище. К осени налились корешки трав, и Паленый временами переключался на подземную пищу, безошибочно определяя по внешнему виду и запаху травы, вкусен ли её корешок. Плоды трав: бобы, стручки, коробочки – привлекали его меньше из-за их сухости.

Паленый набрёл на небольшую поляну и занялся поисками съедобных корешков. Светило полуденное солнце, зверька донимали мухи. Сверху на старой орешине треснула ветка, и Паленый боязливо отпрянул под соседний – нависший над землёй ствол старого клёна. С недавних пор после встречи с рысью Паленый постоянно ждал опасности сверху.

В тот неудачный для него день, чуть ли не ставший последним в жизни Паленого, ему удалось на закате солнца схватить кормящуюся под кустом горлицу – бактек. Обрадованный столь редкой для него добычей – горлицей, Паленый отнёс её под громадную сучкастую орешину. И только собрался приступить к трапезе, как сверху обрушилось что-то тяжёлое. Когда Паленый пришел в себя от страха, то рядом увидел круглую, усатую мордашку с ощеренной от злости пастью и злобными зелёными глазами. Горлица уже попала в передние лапы разбойника. Паленый лежал ни жив, ни мёртв. В глазах у него мелькали черные кисточки ушей, рыжевато-серая шкура, острые клыки. Из шока его вывело утробное рычание. С соседнего дерева, ловко удерживаясь на длинных лапах, спускался рысёнок, удивительно похожий на свою мать, но ростом поменьше и окраской светлее. Он рассчитывал разделить с матерью лёгкую добычу. Паленый бесшумно попятился, затем развернулся и побежал, не разбирая дороги, подальше от страшного семейства..

На этот раз опасность сверху, с дерева ему не угрожала. На крепкий сук умогилась птица средней величины: крючковатый нос, крепкие лапы, длинный хвост и поперечные пестрины на груди и брюшке изобличали кыйгыра-перепелятника.

-Тю-и,тю-и, - неслоь по притихшему лесу. Казалось, все беды обрушились на него, и перепелятник жаловался всему живому в лесу. Из-за вершины темно-зелёной ели выскользнул ала-гуу – лесной голубь вяхирь. Заметив хищника, он круто изменил направление полёта и отчаянно захлопал крыльями. Перепелятник сорвался вдогонку, с помощью хвоста и крыльев ловко бросая своё тело между крон деревьев. Птицы скрылись, но было ясно, что голубю не уйти от расправы. Лесная жизнь такова: кто-то может преследовать, кто-то должен спастись.

Необходимое дополнение.

Наибольший отход барсучьего населения приходится на первые месяцы самостоятельной жизни. Эта закономерность приложима ко всем живым существам. Будучи хищником, барсук умеет постоять за себя. Приходилось быть свидетелем, как на поляне кормились одновременно кабаны, дикобраз, барсук, косуля, шмыгала в листве туркестанская крыса, чуть в стороне по тропе проходил медведь. При обилии кормов для отдельных зверей нет конкурентов. Только волки, будучи сугубо плотоядными, могут стаяй организовать охоту, используя арсенал безотказных приёмов: засада, нагон, перехват. Барсук при встрече себе равных, использует напор, старается испугать противника хорканьем, резкими выпадами, неприступным внешним видом. В это время усиленно функционирует прианальная, вонючая железа, нагоняя страх на всё живое. Некоторую опасность для барсука могут представлять болезни, снижающие жизненный тонус, в тяжёлых случаях приводящие к смертельному исходу.

Глава 7

Летняя засуха, оголившая карамайт и жимолость, перекрасившая солнцепечные склоны в рыжий цвет, незаметно перешла в раннеосеннюю засуху. Всё также светило солнце, но ночи стали холодными. Коричнево – рыжий цвет позднего лета дополнился золотом и багрянцем осени – «бабьего лета». Снялись с места и полетели в тёплые страны перелётные птицы, с шумом справляли новоселье стайки темнозобых дроздов и красногрудых юрков, прилетевших в орехово-плодовые леса с севера на зимовку. В бесконечном хороводе закружились блестящие в солнечных лучах паутинки.

Ранняя осень – пора обилия в лесах. Лесные жители – звери и птицы – полностью переключились на питание плодами деревьев и кустарников. Кроме ранее появившихся яблок, алычи, груши, магалебки, ежевики и облепихи, в меню лесного стола прибавились плоды смородины, барбариса, крушины, разных видов жимолости, шиповника, боярки,

кизилника. И наконец, с орешин посыпались орехи, на первых порах с червоточиной и зелёным околоплодником, затем вполне нормальные с оголённой толстой скорлупой.

Большую часть суток Паленый посвящал пище. Он целиком переключился на растительные корма. Инстинкт подсказывал, что за благодатной осенью, последует суровая зима, что нужно накопить в теле как можно больше подкожного жира. Похрустев орехами, барсук перебирался до ближайшей яблони с вкусными плодами или подбирал с земли подсохшую алычу, ставшую сладкой после первых ночных холодов.

Паленый облюбовал себе нору прямо в ореховом лесу. Судя по её запущенному виду, хозяин покинул своё убежище давно. Паленый почистил у входа, подправил нору, то есть углубил и нарастил ходы и посчитал своей.

В один из вечеров барсук, как всегда, волочил своё потяжелевшее тело от орешины к орешине. Сумерки быстро сгущались. В зарослях барбариса притихли шумливые дрозды. Временами шелестел сухой опад на земле, и барсук, лишь краем уха улавливая звуки, безошибочно определял: это проскакал заяц-толай, прошмыгнула лесная мышь, а это пронесла орех, пополняя запасы, раздобревшая на обильных кормах крыса.

Шелест листвы усилился и перерос чуть ли не в грохот. Со склона в сай спускался дикий зверь, обличьем непохожий ни на одного из ранее виденных зверей: тело его было покрыто копной длинных, пёстрых игл, на мордочке – такая же пёстрая щетина. Сильный шум дикобраз (а это был именно он!), производил иглами, задевая друг за друга и цепляясь за сухие листья и траву. Учув затаившегося барсука, дикобраз встопорщил копну игл и от этого вырос вдвойне. Попыхтев и сверкнув зелеными огоньками глаз, дикобраз немного успокоился, но счёл нужным удалиться от барсука. Так они и занимались каждый своими делами, пока не разошлись, и до Паленого уже не долетали треск игл и шуршанье листвы под ногами дикобраза. В отличие от него, барсук передвигался достаточно бесшумно не только из соображений безопасности, но и не хотелось нарушать повисшую над лесом тишину.

- Угу, у-ух,- где-то поблизости начала свой концерт ночная птица. К уханью Паленый привык раньше, хотя и не встречался близко с птицей, издающей эти звуки. Все птицы, с которыми так или иначе знакомился барсук, ничего не видели в темноте. Паленый часто использовал их недостаток, подкрадываясь в темноте, - добыча того стоила. И на этот раз он не обратил особого внимания на крик в ночи, в котором слышались и стон и угроза. Мягкий шелест могучих крыльев заставил его слиться с землёй. Крепкие острые когти филина больно царапнули по спине, прошлись по хребтине и соскользнули. Ночной хищник повторил нападение, но барсук не стал испытывать судьбу и в мгновение забился под колодину, к счастью, оказавшуюся рядом. Филин уселся на ближнее дерево, дважды ухнул и бесшумно улетел, растворившись в ночи.

Ни жив, ни мёртв, сидел под колодиной барсук, стараясь дотянуться языком до отдающих резкой болью царапин. Новые резкие звуки, отдаленно напоминающие уханье кабана и рывканье медведя, слышались с гребня ближнего увала. Паленый сжался в укрытии. Топот ног быстрого зверя со склона приближался к колодине, под которой спрятался барсук. Зверь остановился и рывкнул яростно и злобно. Барсук был по-настоящему испуган, настраивался на близкий конец. Шорох шагов, перестук копыт приближался, на гребне на мгновение отпечаталось темное пятно от косули. Горделиво вскинув рогатую голову, элик (косуля) нетерпеливо бил копытами и принохивался. Он искал достойного соперника. Барсука он не учуял: была пора гона (хотя хлопоты, связанные с гоним, приближались к концу), и на других зверей, не грозящих опасностью, элик не обращал внимания. Сорвавшись с места, элик, также внезапно, как и появился, исчез в глубине сая, в темноте ночи.

Беспокойная ночь подходила к концу, когда Паленый смог приступить к пище, в обилии валявшейся под деревьями. С запада полезли рваные клочья тёмных туч. По всем признакам намечалось изменение погоды, и перед дождём Паленый старался наесться прозапас.

Необходимое дополнение.

С середины августа барсуки приступают к нажировке. Как и прежде, зверёк вырывает клубни эремуруса, луковицы тюльпана, может прихлопнуть лапой зазевавшегося кузнечика, догоняет юрких ящериц и гологлазов, выпьет яйца из поздних кладок кеклика или за один приём отправит в пасть желторотых птенцов. Но делает это он всё попутно. Главное, из-за чего барсук, можно сказать, не спит круглосуточно – это поиски на земле плодов деревьев и кустарников, выбор из них самых сладких и кормление – кормёжка. Плоды – калорийный корм, и барсук быстро набирает вес за счёт жира. Прослойки обволакивают все внутренние органы, затем слой жира равномерно откладывается под кожей. Встретив барсука, наглядно убеждаешься, насколько трудно ему передвигаться, преодолевать подъёмы, взбираться на скалы, форсировать маловодные речушки да и просто жить. Однако инстинкт подсказывает: всё накопленное пригодится. Тот же инстинкт толкает его – кормись, кормись!

Глава 8

Стояла пора глубокой осени. Осыпался лист с орехов и груш, лишь кое-где желтела листвою алыча. В лесу издали виднелись ярко-красные ягоды шиповника и тёмные ёлочки-подростки. Временами из низко нависших, тёмных туч вместе с дождём сыпался снег. В последующий ясный день снег с кунгеев сходил в считанные часы, а на терские держался несколько дней до устойчивого тепла. Ночами подмораживало, и лужи покрывались прозрачным льдом. Стол в лесу был уже не так обилен. Исчезли яблоки и груши, попрятались в листве редкие орехи, ушли в глубину почвы дождевые черви и личинки насекомых. Всё чаще Паленый, бесплодно порыскав под яблонями и орешинами, выходил на солнцепечные склоны, где почва не промерзала, и рыл корешки.

В затяжное ненастье барсук отлеживался в норе. Временами его охватывала апатия: хотелось лежать и ничего не делать. В ясные дни он покидал нору только после полудня и прихватывал ночь до появления изморози на полеглой траве. Барсук сменил редкий летний мех на густой зимний голубовато-серой окраски. Тело его налилось, так что трудно было ходить. От ночных холодов, когда с вершин тянуло пронизывающим ветерком, Палёный не страдал. Но он сильно обленился: временами ему не хотелось даже есть.

В одну из ночей, когда небо было затянуто тонкой пеленой слоистых облаков, барсук неожиданно наткнулся на обильную россыпь орехов. Обрадованный находкой, Паленый безостановочно грыз орехи и не обратил внимания, что его следом, подбирая остатки, движется громадный кабан. Секач посчитал орехи своими и решил, как следует припугнуть барсука. Басовитый рёв сзади заставил Паленого юркнуть в какой-то загон из сетки, что он про себя отметил, ощутив резкий запах металла. Следом ворвался кабан. Барсук метнулся вглубь вольеры и обрушил на землю брёвнышко, неустойчиво прислоненное к стволу дерева. Грохот опадной двери, соединенной тоненькой проволокой с бревном – насторожкой, привёл обоих зверей в замешательство.

Кабан, позабыв про барсука, вздыбил загривок и на высоких, напружиненных ногах бежал по кругу вдоль высокой сетчатой изгороди. Не найдя нигде отверстия, кабан разогнался и мощной клиновидной головой ткнулся в изгородь. Выгнувшись, сетка отбросила тяжелое тело, и кабан рухнул навзничь, но тут же вскочил и взял изгородь снова на таран. С неистовостью уверенного в своей силе зверя, кабан колотил и колотил в

сетку. Скоро снег, лежащий тонким слоем в вольере-ловушке, потемнел от крови из разбитого кабаньего рыла-пяточка.

Со страхом и беспокойством смотрел Паленый на бесплодные усилия кабана. Стараясь не попасть ему под ноги, барсук обследовал дальний угол ловушки. Изгородью был выхвачен большой кусок леса. В одной из орешин Паленый обнаружил дупло, куда не замедлил забраться. Побесновавшись, кабан начал рыскать вдоль изгороди, затем порылся под дверью, но, наткнувшись на камни, опустошенно улёгся посреди ловушки.

Сквозь тонкую пелену облаков светила луна, с ближних вершин тянул холодный ветер. Ночь подходила к концу, и чем меньше времени оставалось до восхода солнца, тем беспокойнее становился секач. Под утро вблизи пробежал выводок кабанят, отогнанных взрослыми кабанами из табунка на период гона. Несмышленные звери кинулись было на кабанье уханье (родственник всё же!), но, учуяв кровь и запах металла, резво убежали.

Лучи восходящего солнца скользнули по обнажённым деревьям, по побелевшей от изморози траве и ворвались в глубину сая, где была устроена ловушка. Впервые кабан и барсук встречали восход солнца не в укромном месте, а в этом неприветливом сооружении из столбов и сетки, откуда уйти невозможно.

От посёлка, лежащего далеко внизу, донёлся слабый рокот мотора. Он приближался, и через некоторое время в сай, грохоча, вполз гусеничный трактор с прицепом. Люди сноровисто сгрузили с прицепа небольшую, прочную клетку, подтянули её к входу в ловушку и приподняли опадную дверь.

Кабан был настроен дать решительный бой своим врагам. С налитыми кровью глазами, с окровавленной мордой, вздыбившимся загривком, зверь кидался на людей, стоящих по другую сторону сетки-загородки, но металл отбрасывал его. Кабан бросился в приоткрытую дверь, надеясь вырваться на свободу, и попал в клетку. Её дверца захлопнулась, зверь оказался зажатым в четырех стенках. Пасть его судорожно сжималась и разжималась, клочьями падала пена, окрашенная кровью, громко щелкали клыки.

Паленый проявил должную выдержку и спокойно сидел в дупле орешины. Но когда по ловушке стали бродить люди, настраивающие насторожку, он кубарем выкатился из своего убежища.

-Э, да тут ещё один зверь! Нет ли у кого бирки для барсука: пометим и выпустим.

В ловушке – вольере поднялась весёлая кутерьма. Паленый шнырял между деревьями и людьми, но, наконец, был зажат со всех сторон и накрыт мешком. Звякнули кусачки, и в его ухо впиалась металлическая серьга, с которой Паленому предназначалось не расставаться до самой кончины. Два человека, удерживая за задние лапы, вынесли барсука из ловушки. Он беспомощно клацал зубами, но не мог дотянуться до своих врагов. Паленого раскатали за задние лапы, и при счёте «три!» он позорно полетел в кусты. Не рассчитывая больше на милость людей, барсук «со всех ног» бросился подальше и от урчащего трактора, и от ловушки, и от весело переговаривающихся людей, довольных добычей.

Погода вновь изменилась. Небо заволокли тёмные, низкие тучи. Ветер, несколько раз изменявший направление, закружил сухие лёгкие снежинки. Предчувствуя приближение ненастья, Паленый поспешил к норе. Уже начала завывать позёмка, когда он забрался в нору, забил входное отверстие пробкой из земли и листьев.

Медленно потянулись под землёй часы и дни, но для барсука это мало значило. До первых оттепелей, наступающих среди зимы, ничто его не потревожит, и он будет спать, спать...

Необходимое дополнение.

С наступлением устойчивой морозной погоды барсуки залегают в зимний сон. Обмен веществ у них продолжается, хотя и заторможен. При зимних оттепелях барсук

обретает активность, выходит из норы, бродит по снегу в радиусе до полукилометра, кормится валяющимися на земле, промороженными плодами ореха, яблони, алычи, боярки, барбариса, шиповника, копает корешки трав. Не лишены достоверности сведения о том, что в тупичках нор, раскопанных в декабре, хранятся запасы плодов и корней, созданные на зиму и начало весны. Активная жизнь во время оттепелей требует значительных энергетических затрат, но они не восполняются зимними кормами. Переход на двустороннюю жизнь сказывается отрицательно на общем состоянии и зимой и в весенний период после выхода барсука из норы.

Неуловимый дикобраз

(Рассказ огородника)

Следы этого зверька я заметил несколько лет назад, когда осваивал участок под сад – огород: выкашивал траву, вырубал упругие стебли чёрного шиповника, корчевал корешки, перекапывал целину. В кустах наткнулся на лёжку грызуна, ею он пользовался часто, возможно, ежедневно для отдыха: трава на ложе плотно умята. Чуть в стороне травостой пронзила крупная игла, на которой чернота чередовалась с матово-белыми кольцами.

След дикобраза на мягкой и влажной почве я нередко путал с барсучьим. Их следы удивительно похожи на след босого маленького человечка, только у грызуна от стопы четко отходят четыре пальца, хищник же оставляет пять. Найденная игла исключила все сомнения – дикобраз! Длинные иглы на поясице легко выпадают, короткие и толстые иглы, растущие среди длинных, крепки и могут проколоть кирзу или кожу сапога. Я хорошо знаком с иглами, - об том дальше в моём рассказе.

Лёжка в кустах – это баловство, а живёт дикобраз в норах или в расселинах между скал – камней на берегу реки. Но натоптанных троп я не обнаружил ни у одной ближней к огороду расселины.

Через два года освоенный участок наполовину был засажен лекарственным шиповником, взятым из питомника. В местах с плодородной почвой на полтора – два метра вымахали саженцы яблони, сливы и персика. В среднегорье персик приживается с трудом, поскольку любит тепло. Настоящее испытание для персика – зима. И я не удивился ранней весной, когда после схода снега глазам предстала чуть ли не половина высохших побегов. Но приглядевшись, обнаружил погрызы на стебле. Некоторые из них отделились совершенно от корня. Поломки были и в реденьких кустах шиповника.

Стало ясно, чья эта работа. Дикобраз, питаясь растительной пищей, оказывается, из всего набора: корешков, травы, веточек, коры кустарников – предпочтение отдаёт пасоке – весеннему соку, поднимающемуся от корней в надземные органы.

Пришлось принять меры. Осенью я обвязал побеги персика колючими «лапками» арчи. Шиповник повреждался менее. Как будто помогло. Ранней весной в период сокодвижения зверёк уже не обращал внимания на сладкий персик.

Зато следующей осенью дикобраз показал себя. Вначале, придерживаясь правил, он совершил рекогносцировку: на подходах к изгороди и в самом огороде он сделал несколько покопок, в одном – другом месте изгрыз корешки. Нанюхав картофель, зверёк целеустремлённо стал подрывать окучку и кое-где обнажил клубни. Надкусив там и сям картофелины, он, почему-то, переключался на другие кусты ботвы, выискивая что-то для себя.

Сентябрь – время копки позднего картофеля. Я не стал затягивать, и за несколько часов выудил из рыхлой земли урожай. Посмотрим, что теперь будет делать грызун! Зверь оказался предприимчивым. К тому же несколько разобрался в ботанике: картофель и помидоры числятся в одном семействе, запахи у них одинаковые. Запахи (а для зверей – это главное!) смутили дикобраза и ввели в разорение меня. В очередное ночное посещение зверёк со всей тщательностью разрыл куст помидора... и не обнаружил привлекательных клубней. Оголил корень другого томата – результат тот же. Повидимому, он какое то время размышлял, затем, подхватив выкопанное растение, с висящими плодами поволок его к выходу, чтобы в домашней обстановке основательно разобраться, что же такое приключилось с картошкой. Отнеся от загородки десяток метров, он бросил свою ношу. Может, его испугал шум, хотя вода, переливаясь в горной речке, заглушала все звуки. Утром я быстро разобрался в учиненном разбое и решил пресечь нарушения.

Местные пастухи многие годы вынуждены бороться с бродячими собаками. Некоторые из бродяг превращаются в скотинников: преодолевая ночью изгородь, они могут вырвать у смирной овечки кусок курдюка. Некоторые чабаны имели на этот случай капканы. У хорошего знакомого я на время, под честное слово, раздобыл расхлябанный капкан, выхватывающий своими стальными дугами чуть ли не полметра пространства.

За долгую жизнь, добрую половину которой пришлось провести в горах, я, конечно же, сталкивался с дикобразом, крупным из наших грызунов. Иголки на поясице и на хвосте-коротышке издают трескотню. Колючки мало способствуют спасению при встрече, например, с волком. Найденные однажды остатки волчьей трапезы выглядели комком нетронутых игл со спины и целым костяком – позвоночником. Хищник, задавив дикобраза, начал выедать снизу, прикончил всю мякоть, хотя изрядно помял шерсть и щетину подбрюшья. Впрочем, для волчьего желудка и кишечника даже крупные иглы не опасны: этот хищник пропускает (а, может, специально загружает) через свой организм ломаные, колючие кости, камни.

Знакомый работник заповедника поведал один эпизод, когда колючий грызун чуть ли не столкнулся с охотником на тропе, но потом выяснилось, что сделал он это с испугу. Огромные резцы как будто предназначены для перекусывания крепких предметов, включая кости ног подвернувшегося на пути человека.

Доводилось пробовать дичину – мясо дикобраза. Признаться, пища на любителя. Мясо, несмотря на все ухищрения: лучок, чесночок, перчик, лаврушка, зира – всё равно отдаёт землёй, погребом. Сказывается отсутствие кожи, как таковой. Впечатление такое, что щетина и волосы вырастают прямо из плоти.

Насторожить капкан сложности не представляло. Прикрутив к пятке, соединенной с насторожкой, картофелину, взявшуюся гнильцой (уж она – то издаёт лакомые для зверя

запах!), я насторожил у крайнего помидорного куста капкан, слегка притрусил его жухлыми листьями. На потаск я не надеялся: с испугу наказанный зверёк утащит капкан в реку или в расселину – что я тогда найду для возврата? Цепь от капкана я прикрепил к стержню, а его, в свою очередь, вогнал в землю. Железяк на пути грызуна предостаточно, взять хотя бы изгородь – сколько на ней намотано проволоки!? Я рассудил, что добавка ещё одной металлической вещицы, в виде капкана, не должна смущать и отпугивать дикого зверя. Довольный проделанной работой я удалился спать.

Домашние звери: собаки и кошки (последних меньше) – ночью в активном поиске. Хлопот добавится, если какая непривязанная псина случайно окажется в капкане. На рассвете, только – только проснувшись, я сразу наладился проверять ловушку.

Дикобраз приходил и, естественно, не мог миновать деликатесной картофелины. Интерес его закономерно завершился захлопыванием капкана. Далее произошло малопонятное. Широкая морда позволила зверю выдернуть голову, освободиться от капкана: короткая иголка с морды подтвердила, что все его действия были правильными. Картошка оказалась съеденной(!) – ни кусочка шкурки, ни крошки не обнаружилось. То есть, зверёк вёл себя геройски: получив удар по голове, освободился от захватов и приступил к трапезе.

Зверёк, конечно, был один. Если бы он испугался и убежал, то выделил бы такие флюиды испуга и паники, что сородичи незамедлительно последовали бы за ним.

Дозревающие и зелёные помидоры были спасены, так как мало интересовали дикобраза: он «смотрел в корень». В последующие ночи грызун не появлялся у помидорного рядка. Настороженный капкан готов был работать и днём, но я его разряжал.

Для выяснения причины неявки нарушителя я обследовал пространство за загородкой. Развесистая яблоня – дичок в текущем году обильно плодоносила, что случается раз в два – три года. Конец сентября – время опадания плодов – яблок. Под яблоней травостой был умят, яблоки лежали сплошь. Конечно, сюда приходил дикобраз, а может и целая компания – яблоки выедались основательно, лишь кучками желтела кожица. Я набрал свежесопавших плодов, намереваясь смешать с алычой и изготовить литр – другой варенья.

Дикобраз оказался умным, сообразительным. Не стал рисковать, а мог бы вполне лишиться жизни. Я со своей стороны избежал нарушений. Неизвестно, как трактуется положение о дикобразе, может, он вообще не охотничий вид, а если охотничий – выправляй платную лицензию, разрешение. А тут мы «договорились» о нейтралитете. Или, как говаривали древние: «Что мне Гекуба, что я Гекубе?!»